

Татьяна Василевская

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Здесь и сейчас

Выдуманная история о вполне реальной жизни

Татьяна Василевская
Здесь и сейчас

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Василевская Т. М.

Здесь и сейчас / Т. М. Василевская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Порой кажется - жизнь не удалась. Но нужно посмотреть вокруг. Вспомнить о хорошем и светлом, что с нами было, и что есть сейчас. Не нужно ждать призрачного счастья, которое наступит когда-нибудь. Счастье в каждом мгновении. Здесь и сейчас. Нужно только уметь почувствовать его. 80-е годы. Трое мальчишек, живут и воспитываются в разных условиях, имеют различные интересы и стремления. Случайная встреча в одном из московских дворов, когда все трое уже стали студентами, явилась началом крепкой дружбы. Судьбы всех троих неразрывно переплетаются раз и навсегда. Содержит нецензурную брань.

© Василевская Т. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Самый счастливый человек на свете	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Я однажды проснусь, а вокруг мир другой,

Светел, чист, бесконечно прекрасен.

А на троне высоком – Царица любовь,

А на меньшее я не согласен.

Под хрустальным мостом реки чистой воды,

И никто над цветами не властен,

И не дерево счастья, А счастья сады.

А на меньшее я не согласен.

«На меньшее я не согласен», Н. Носков

Часть 1. Самый счастливый человек на свете

Глава 1

1980г. с. Загорное, Гуляйпольский район, Украина

Деду Игнату снилось, что он снова молодой казак. Он идет через двор, к привязанному у плетня жеребцу. Тот косит темным блестящим глазом, нетерпеливо перебирая тонкими ногами, фыркая. А по ту сторону плетня, соседская дочь, красавица Наталка, улыбается Игнату, белозубо, и румянец играет на нежной девичьей щеке. Глаза смотрят лукаво...

Старик отмахнулся от привязавшегося, зудящего возле самого лица комара и, улыбаясь беззубым ртом, продолжил смотреть приятный сон.

...Он закидывает ногу в стремя и уже готов вскочить в седло...

«Мууу!» – совсем некстати раздалось над самым ухом жалобное мычание.

– Циц, бисово пориддя!* (*Циц, чертово отродье*). Холера тебе забери! – шикнул старик. Не открывая глаз, боясь спугнуть чудный сон, он повернулся, поудобнее, пристраиваясь к стволу березы, возле которой, его сморило жаркое летнее солнышко.

Еще одна корова замычала, за ней еще и еще.

– Я вам... – проворчал пастух. Нашли время. Трава, гуще не бывает, ходи да жуй целый день, а им все неймется. Решив, что если сейчас еще кто из скотины начнет мешаться, то он встанет и огреет нарушительницу спокойствия хворостинной, чтоб неповадно было, старик снова погрузился в дрему.

... Наталка продолжает улыбаться. Солнце играет, горит золотом в толстой русской косе. Губы нежные, розовые, такие мягкие, волнующие полуоткрыты, как будто специально манят его, в ожидании поцелуя...

Внезапно, прямо рядом с ухом Игната, что-то страшно грохнуло. Спросонья старик, только что побывавший в своих видениях во времена далекой молодости, не мог понять, то ли и впрямь он каким-то чудом перенесся в прошлое, и прямо сейчас, снова идет война. То ли и вовсе наступил конец света. Пока мысли беспорядочно металась в одурманенном сном сознании началось, что-то и вовсе невообразимое – со всех сторон послышался топот ног разбегающихся коров, сопровождаемый сумасшедшим трезвоном железных колокольчиков, жалобным мычанием, и каким-то грохотом. Игнат ошарашенно огляделся по сторонам. Животные, обезумев от страха, металась по лугу, звеня боталами. К длинным коровьим хвостам были привязаны жестяные банки. Они били животных по ногам, громяхая насыпанными в них камушками, пугая коров еще сильнее и не давая им успокоиться. Краем глаза пастух заметил, уже довольно далеко от луга, бегущих в сторону села мальчишек. Босые пятки высоко взлетали над густой травой с удивительным проворством и быстротой. У одного из паршивцев в руках было, что-то темное и длинное. Игнат, ставший, на старости лет слаб глазами, не мог разглядеть предмет отчетливо, но был уверен, что это ружье. Видно, кто-то из поганцев стянул из дома отцовское ружье и, дождавшись в кустах пока он уснет, маленькие мерзавцы пальнули у него над ухом, напугав скотину и его самого до полусмерти.

– Бисовы дити! – заорал старик, грозя вслед мальчишкам кулаком. – Ужо я вам влаштую, подлюки! Шмаркачи! Батьки шкуру спустят, почекайте!* (*Уж я вам устрою, подлюки! Сопляки! Отцы шкуру спустят, подождите!*).

Среди светлых и русых вихрастых голов бегущих ребяташек, четко выделялась одна черная. Игнат сплюнул в траву, ну подождите, шутники!

–

– Ах ты ж, поганый дитина! Бисово пориддя! – орала бабка, охаживая Нестора хворостинной по голому заду. Он морщился, но стойко сносил наказание. У бабки устала рука и она замерла, с занесенным прутом, чтобы передохнуть и отдышаться. – Нестор! Що ти робишь? Що ти за дитина такой? Окаянный ти поганець! – тонкий прут снова заходил в воздухе. – Худобу налякали. Дид Гнат мало сам не помер. Ледве зибрав корив, по всьому лузи розбилися. Трохи в лис не пишли з-за ваших витивок мерзопакостных. Я знаю, що це твоя затя, окаянный. Сладу з тобою немає!* (*Скотину напугали, поганцы. Дед Игнат чуть сам не помер. Еле собрал коров, по всему лугу разбежались. Чуть в лес не ушли из-за ваших проделок мерзопакостных. Я знаю, что это твоя затея, окаянный. Сладу с тобой нет*).

Бабка совсем уморилась, бросила хворостину и всхлипнула.

– Батько був би живий, так шкуру б з тебе спустив з паразита.

Она подковыляла к крыльцу и тяжело опустилась на ступеньку.

– Нелюд ти, нехристь. Жодного дня не проходить, що б мени хто-небудь не наскаржився на тебе. Нестор! У могилу мене хочеш звести? Я помру, що ти будеш робити? Кому ти ще потрібен?*(*Изверг ты! Нехристь! Ни одного дня не проходит, чтобы мне кто-то не нажаловался на тебя. Нестор! В могилу меня хочешь свести? Я помру, что ты будешь делать? Кому ты еще нужен?*)

Внук, глядя исподлобья темными глазами, то ли обиженно, то ли виновато, у него разве ж поймешь, шмыгнул носом.

– Ох, горе-то, горе, – вздохнула бабка. И дите жалко – сирота, и растет чистый разбойник, нет с ним сладу.

Нестор утер нос рукавом рубахи, и незаметно стащив, из стоявшей рядом с ним корзины яблоко, быстро перемахнул через забор и понесся по улице.

– Нестор! Повернись назад, нехристь! – закричала бабка. Махнув рукой, она сплюнула и, охая, пошла в дом. Послал Господь испытание на старости лет.

1982г. Москва

– Геннадий Борисович, прошу, салат по рецепту от повара из «Праги».

– Благодарю... Так вот, эти механизмы скажут, я вас уверяю, новое слово в нашей автомобилестроительной промышленности...

– Да, что Вы говорите? – ослепительно улыбаясь, выражая полнейшую заинтересованность, сказала хозяйка дома, Ольга Андреевна Соболева.

– Да, да, – гость помахал вилкой и, к радости остальных присутствующих, прервался в своем рассказе на салат от повара знаменитого ресторана.

– Дима, – склонившись к сыну, одними губами, сердито прошептала Ольга Андреевна, – не бери еду руками. Что подумают наши гости?

Диме было наплевать на то, что подумают гости. Ему вообще страшно надоело это глупое застолье – знакомство с родителями жениха его сестры Нади. Сплошная скука. Дурацкие разговоры. Все сидят с чопорным видом, как будто за столом собрались одни графы и князья. Если бы не затея, которую придумал Димка, он бы давно уже улизнул из этого царства занудства и показной доброжелательности. Димка покосился на отца, тот, судя по лицу, тоже не испытывал особого удовольствия от мероприятия. Но ему-то, хочешь, не хочешь, придется весь вечер провести с гостями. Хозяин дома и отец невесты не может встать и уйти, потому что ему надоело. Все-таки быть взрослым утомительно, хотя свои плюсы, конечно, тоже есть. Старательно орудуя ножом и вилкой, в попытке разрезать отбивную, Димка мысленно взвешивал плюсы и минусы того, когда человек уже взрослый. Он задумался, и отбивная, съехав с тарелки, шлепнулась на белоснежную скатерть. Мать страдальчески закатила глаза, а сестра метнула в сторону младшего брата убийственный взгляд. Димка едва не высунул язык в ответ, но вовремя вспомнил, что «должен вести себя прилично, как хорошо воспитанный мальчик из интеллигентной семьи», как все утро наставляла его мать.

– Извините, – убирая мясо со скатерти, немного сконфуженно пробормотала мать, впуская потратившая время и силы на утреннюю попытку привить хорошие манеры сыну. Она одарила Димку взглядом, в котором явственно читалось неодобрение, страдание и раздражение. Хотя, гостям-то, как показалось Димке, было до лампочки, что его манеры «не на высоте», как опять же любит выражаться мать. Отец жениха, покончив с салатом, серьезно подналег на коньяк, продолжая вещать про свои обожаемые механизмы, которые из всех присутствующих интересовали исключительно только его самого. Мать жениха, с завидным аппетитом, улетала осетрину горячего копчения и наравне с мужем, ценителем коньяка, налегала на сладкую наливку. А жених, заметив случившийся казус, ухмыльнулся, причем не дружелюбно и весело, а как-то гаденько и злорадно. «Козел!» – глядя избраннику сестры в глаза, подумал Димка, искренне жалея, что не владеет искусством телепатии.

–

– Я тебя убью! – прошипела Надя, поймав Димку в коридоре, когда он вышел из туалета, вернее из уборной, как опять же заставляла называть это самое место мать. Во как сестрицу-то разобрало! Даже из-за стола выскочила, что бы подкараулить его, там, где никто их не услышит.

– Отвяжись! – сказал Димка и хотел пройти дальше. Сестра ухватила его цепкой тонкой лапкой за ворот рубашки и впилась в лицо ледяным взглядом. Димка дернулся. – Пусти, дура!

– Если ты сейчас же не отвалишь из-за стола, маленький засранец и посмеешь испортить... – она застыла с открытым ртом, пытаясь сформулировать, что именно может испортить Димка.

– Да больно ты мне нужна! Отстань! Скорей бы уже вы с козлом поженились, и ты отправилась к нему. Будете вместе распевать – беее, беее! – закатился Димка и, ловко вывернувшись из рук возмущенной сестры и по совместительству невесты «козла», направился в комнату, где был накрыт стол. Особого желания возвращаться туда у него не было, но теперь это было дело принципа. Надька хочет войны – она ее получит. Сама напросилась!

– Только попробуй, что-нибудь...

Димка закрыл дверь перед ее носом, и остаток угрозы, произнесенной сестрой, так и остался ему не известным.

– Димочка! – мать жениха, видимо, наконец-то, насытившись осетриной и в достаточной мере «подзарядившись» наливкой, расплылась в преувеличенно-радостной улыбке. – Твоя мама говорит, что ты пишешь чудные стихи. Прочтешь нам? Просим, просим, Димочка! Не стесняйся! Все свои.

Дима не менее радостно улыбнулся тетке, имени которой он не запомнил, за ненадобностью – замуж-то Надька выходит, чего ему память зря ерундой забивать? Мать жениха смотрела на него с умилением. Как будто ему не девять лет, а года три. Ну, что ж, продолжая улыбаться во весь рот, подумал Димка. «Вы песен хотите? Их есть у меня». Кто, что хочет, тот то и получит. Вечер исполнения желаний! А волшебник он, Димка!

Взяв один из стульев, Димка поставил его на середину комнаты. Мать с подозрением посмотрела на него, но ничего не сказала. В этот момент дверь открылась и в комнату вошла Надя. Дима влез на стул, и чуть не закатился от смеха, заметив, как Надька застыла на месте, и одновременно, и совершенно одинаково, вытянулись, лица у матери, и у нее. Не обращая внимания на ближайших родственников, усиленно делающих ему страшные глаза, Дима принял горделивую позу и, слегка поклонившись, громко и четко сказал:

– Из моего. Из раннего. – Он снова поклонился и, выставив, как заправский поэт, перед собой руку, начал читать громко и четко. Именно так, как учила читать мать, когда нужно было выучить стих для школы:

–Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной

Александрийского столпа.

Явно не оценив мастерства исполнения, которого сама же добивалась, мать застыла с каменным лицом. Надя издала странный тонкий звук, похожий на писк и на стон одновременно и выбежала за дверь. Жених, вновь расплылся в гаденькой ухмылке. Мать жениха, округлив, ярко подведенные черным карандашом, голубые глаза, ошарашенно смотрела на юное дарование, быстро-быстро хлопая ресницами и приоткрыв рот. Ее муж застыл с очередной рюмкой коньяка, почти с восторгом взирая на будущего родственника. А отец всхлипнул от смеха и прикрыл лицо салфеткой, скрываясь от грозного взгляда, который метнула на него жена.

– Дима, – безжизненным голосом проскрипела мать, сдергивая сына со стула и таща его за собой. Уже в дверях она оглянулась к гостям. – Извините...

–

– Дима! Что ты вытворяешь?! – пристально глядя на младшего отпрыска возмущенно сказала мать. – Ты понимаешь, что для Нади это важное событие? Она расстроилась...

Мать покосилась на стену, за которой находилась комната дочери. Из-за стены явственно доносились рыдания, сопровождаемые звуками, напоминавшими вздохи кита под водой.

– Я же не виноват, что Пушкин, просто опередил меня, – пожал плечами Димка. – Может, мы с ним мыслим одинаково, родственные души. А если Надьке Пушкин не нравится, то в этом я тоже не виноват...

– Дима! Ты должен извиниться... – мать неуверенно посмотрела на сына, обдумывая, не слишком ли рискованно просить его извиняться – как бы еще хуже не получилось.

– Перед Пушкиным?

Мать закатила глаза.

– Я сама извинюсь перед гостями и успокою Надю. А ты, пожалуйста, воздержись от подобных выходов.

Дима пожал плечами. О чем разговор? Естественно, стихи читать он больше не будет. Чего повторяться-то?

–

Над чашками с крепким, свежесваренным чаем, поднимался ароматный пар. Мать вошла в комнату с большим блюдом, на котором красовался торт – по виду настоящее произведение кондитерского искусства.

– Какая красота! – восхитилась мать жениха. Ее муж, изрядно приложившийся к коньяку, полусонно и довольно равнодушно взглянул на шедевральный десерт.

– Надя, поухаживай за гостями, – ставя торт на стол, улыбнулась мать дочери.

Надя, уже успевшая отойти от своих переживаний, то и дело, бросая нежные, томные взгляды на жениха, принялась резать десерт и раскладывать по тарелкам. Димка, незаметно достал из кармана костюмных брюк, спичечный коробок и осторожно приоткрыв его, вытряхнул содержимое на стол, прикрыв его салфеткой.

– Альбина Михайловна, – ослепительно улыбаясь, сказала Надя, протягивая тарелку с куском торта будущей свекрови. Внезапно улыбка начала сползать с ее лица, глаза выпучились, а щеки пошли красными пятнами. «Прямо, как жаба!» – радостно отметил про себя Димка.

Почуввав неладное, мать проследила за взглядом дочери и лицо ее, как всегда в моменты сильного волнения, застыло непроницаемой маской, а глаза сверкнули, как две искрящиеся льдинки.

По белоснежной скатерти, среди чашек тончайшего японского фарфора, вазочек с вареньем и конфетами, тарелок с тортом, деловито шевеля длинными усами и шустро перебирая лапками, бегали ярко-рыжие представители животного мира: тип – членистоногие, класс – насекомые, отряд – таракановые. А попросту говоря – тараканы рыжие или прусаки.

– Мама! – в ужасе пискнула Надя, едва не выронив тарелку, с отвращением глядя на мерзких тварей, нахально расхаживающих по столу, норовя забраться в какую-нибудь из емкостей с едой.

– Надя, – ледяным тоном одернула Ольга Андреевна дочь, готовую то ли впасть в истерику, то ли грохнуться в обморок.

– Дима! – грозным голосом рыкнул отец. – Сколько штук этой дряни было ты знаешь?

Димка, с любопытством, следя взглядом за шустрыми насекомыми, шмыгнул носом и сказал:

– Двенадцать. Дюжина, то есть, – уточнил он, очевидно, для графов и князей.

Отец поднялся, и, не обращая внимания на умоляющие взгляды жены, ловко истребил всех ползающих тварей, прямо на праздничном столе, на глазах у гостей, вполголоса ведя отсчет количества поверженных интервентов.

– В свою комнату, – скомандовал отец, покончив с насекомыми, трупчики которых дрожащими руками быстро убирала со стола мать. Лицо ее с горящими алыми пятнами на мертвенно бледных щеках, было искажено отвращением, чувством стыда и нечеловеческого страдания. Дима молча вышел из-за стола. Жених одарил его очередной ухмылкой, самой гадкой из всех, что были перед этим, и Димка еле сдержался, чтобы не крикнуть: «Надька, дура, он же гад конченный! Зачем тебе за него замуж? Открой глаза! Он же и правда козел, самый настоящий!» Но зная, что с отцом шутки плохи, и раз уж он разозлился, лучше, побыстрее уйти и не выступать, Дима вышел в коридор и поплелся к себе. Конечно, даже если бы он попытался вразумить сестру, ничего из этого не вышло бы. Она же от любви или от чего там еще совсем с ума спятила. Она бы и слушать ничего не стала. Особенно то, что говорит он – ее ненавистный младший брат, по ее словам постоянно отравляющий ей существование своими выходками тупого идиота.

–

Гости уехали. Сестра была более-менее успокоена – мать накапала ей каких-то капель и, что-то долго втолковывала, пока Надька заходила в припадках рыданий и квакающих звуков, перемежаемых воплями: «Ненавижу! Ну, что за чудовище?! Идиот малолетний! Мааа-ма!» Гад жених, пока, по крайней мере, жениться, вроде, не передумал. Так, что чего так уж разошлась Надька, вообще непонятно.

Мать ходила мимо сына с каменным лицом, не говоря ни слова, игнорировала его, давая понять, что сегодня он перешел черту.

– Дима. Пойдем, разговор есть, – взяв сына за плечи, отец отвел его в свою комнату.

– Дима, я все понимаю. Возраст, характер у тебя, прямо скажем, шустрый, непоседливый. Любишь ты пошалить, разыграть кого-нибудь. Но пора уже понимать, что все хорошо в меру. И, что всему свое время и место, и границы обязательно должны быть. Для твоей сестры сегодняшней вечер был важен. Ну, со стихом, не знаю, по мне так смешно вышло, а Надя и мама расстроились. Мама даже, кажется, рассердилась. Но тараканы! Дим, ты понимаешь, что мало того, что это некрасиво и глупо, так еще эта гадость могла по всему дому расползтись. И, что? Мы бы потом дезинсекторов вызывали? Из-за того, что ты решил глупо пошутить? – Отец прошелся по комнате, очевидно, собираясь с мыслями, обдумывая, как донести до девятилетнего сына разницу между шуткой и розыгрышем веселыми, смешными и добрыми и плохой шуткой, злой, обидной, некрасивой и неприятной.

– Дима, давай договоримся, что впредь, ты будешь сначала хорошо думать, прежде чем, что-то сделать, можно это сделать или нет. И, самое главное, прежде чем устроить очередной розыгрыш, хорошенько обдумывай, как воспримут его те, кого ты хочешь разыграть. Шутка хороша, когда всем смешно и весело, а не одному только шутнику. Понимаешь?

Димка кивнул.

– Хорошо, пап, я понял.

Отец улыбнулся.

– Где ты тараканов-то взял?

– У Витьки Сомова из нашего класса выменял.

Брови отца изумленно приподнялись.

– Да, что ты говоришь, выменял, тараканов? И, что же, если не секрет, Витька Сомов получил в обмен на такое сокровище? – отец иронично улыбнулся.

– Я ему классер с марками отдал, – вздохнул Димка.

Отец покачал головой и хмыкнул.

– Надо же... Не знаю сынок, кем ты станешь, когда вырастешь, может, артистом или ученым, или пожарным, или даже в космос полетишь. Но экономика, финансы и торговля – это точно не твое, – отец засмеялся. – А, вот твой Витька Сомов вполне может именно в этих областях добиться больших успехов, у него явные способности. – Посмеиваясь, отец вышел из комнаты.

1983г. Москва

Судья поднял белый флаг. Попытка была удачной, нарушений не было, результат засчитан.

– Молодец, Миша! – тренер радостно потрепал подопечного по светлой макушке. – Думаю, что в прыжках сегодня будешь первым! Вон, какой у тебя результат! Наверяд-ли кто-то возьмет большую высоту. Молодчина!

Мишка улыбнулся. Он старался не думать о боли в ноге. Во время приземления, он неудачно опустился на правую ступню. Боль была резкая и сильная. Он думал, что все пройдет, но пока нога болела. Впереди еще забег на пятьсот метров. Дистанция небольшая, Мишка решил, что сможет потерпеть. Правда он не был уверен, что сможет прийти первым, как рассчитывал. Будет обидно проиграть. Сегодня борьба шла за выход на межреспубликанские соревнования. И Мишка, и тренер долго и упорно готовились. Тренировались даже по выходным. Мечтали. Мишка покрутил ступней. Боль раскаленной иглой пронзила ногу от щиколотки до самого колена, но ничего терпимо.

– С ногой что? – обеспокоенно спросил тренер.

– Ничего. Все нормально, – улыбнулся Мишка.

–

Он пришел вторым. Тренер вроде бы и не сильно расстроился. Второе место тоже неплохо. На межреспубликанские Мишка попадал.

– Миша, ты, когда бежал, казалось, что ты припадаешь на правую ногу. И движения от этого были чуть более медленные и тяжелые. – Тренер в упор посмотрел на него.

– Кажется, я ногу потянул, во время прыжка, приземлился неудачно, – признался Мишка.

Тренер ощупал лодыжку.

– Тут больно? А тут?

Мишка морщился. Нога в области щиколотки покраснела и немного распухла, прикосновения рук тренера отзывались резкой болью.

– Миш, ну как можно быть таким безответственным и легкомысленным? – тренер покачал головой. – Почему сразу не сказал? Я же спрашивал.

– Не хотел Вас подводить, – Мишка опустил глаза.

Тренер в сердцах махнул на него рукой.

– Ты не меня, ты себя подвел. Одевайся. В травмпункт поедем.

–

Осмотрев ногу и взглянув на снимок, врач сообщил, что произошел разрыв связки. Тренер выслушал врача с видом человека, которому только что огласили смертный приговор. Перспективный воспитанник, имевший все шансы подняться высоко, брать призовые места, воз-

можно стать звездой легкой атлетики, сегодня закончил свою серьезную спортивную карьеру. Теперь Миша Озерский может, когда пройдет курс лечения, отстаивать честь школы, может даже в межрайонных соревнованиях поучаствовать. Но, ни о каких межреспубликанских и даже республиканских больше и речи быть не может.

– Миша, Миша... – сказал тренер грустно. Мишка сглотнул, и усиленно начал смотреть вдали, прогоняя подступавшие к глазам слезы. Все мечты рушились, да, что там, уже рухнули. Для большого спорта он умер. Безвозвратно, раз и навсегда.

–

Возвратившись домой, Мишка собрал все награды и грамоты, завоеванные за четыре года, которые он участвовал в более-менее серьезных соревнованиях по легкой атлетике. Сложил все в коробку, из-под материнных сапог, и вынес в коридор, к входной двери.

– Миша, что делают твои кубки и грамоты в обувной коробке возле двери? Ты, что проиграл сегодня в соревнованиях? – обеспокоенно спросила мать, заглядывая в комнату сына.

– Нет. – Миша улыбнулся. – Прыжки первое место. Пятисотметровка – второе. Просто, они мне больше не нужны, выброшу завтра, по дороге в школу. Я со спортом завязал. Надоело.

Мать изумленно посмотрела на сына. Ему так нравилось. На тренировках пропадал все время, она даже ругалась. Так стремился к успеху. Радовался каждой победе. И вдруг раз и надоело. Не похоже на него.

– Миша, у тебя все в порядке? Ничего не случилось?

Мишка уловил в голосе матери не просто легкое беспокойство, а самую настоящую тревогу. Он твердо посмотрел ей в глаза такими же, как и у нее, яркими голубыми глазами, и улыбнулся совершенно искренне своей необыкновенно обаятельной улыбкой, против которой не могла устоять ни одна, даже самая строгая учительница в школе.

– Все нормально, мам. Просто разонравилось. Ты же говорила, что мне больше заниматься нужно, – он пожал плечами, – вот, теперь налягу на учебу, буду заниматься.

Глава 2

2010г. Москва

– Я все! – крикнул следователь человеку, раскладывающему инструменты на блестящей металлической поверхности стола в дальнем конце прозекторской.

– Зейнурат! В журнале не забудь расписаться, – крикнул в ответ сотрудник морга.

Поставив подпись в журнале «посещений», следователь вышел в коридор и направился к выходу. Ясно, что произошедшее не несчастный случай. Все было спланировано и тщательно продумано. Способ убийства выбран весьма умно, если вообще можно так сказать про убийство – никаких следов, ничего, что могло бы указать на того, кто мог совершить преступление. Свидетелей, естественно, тоже нет. Место и время выбрано очень удачно. Все рассчитано до мелочей. Следователь вздохнул. Беда с этими людьми с деньгами. Готовы жрать друг друга, как пауки в банке ради выгоды. Следователь сплюнул. Деньги, почти всегда замешаны деньги. Все меряется ими, в том числе и человеческие жизни.

Выйдя на крыльцо, он с удовольствием закурил. Новое дело. Очередная история, которая пока является загадкой, которую требуется разгадать. Как все истории, в его работе, эта тоже начинается для него с финала – специфика профессии. И чтобы докопаться до истины и ответить на вопросы: кто, как и почему, предстоит шаг за шагом пройти путь в обратном направлении от конца событий к их началу. Узнать, с чего начиналось то, что, в конце концов, привело к столь печальному завершению – мертвое тело на столе судмедэксперта. Человеческая жизнь, оборвавшаяся в результате вмешательства в нее другой человеческой жизни. Следователь Гаттаулин глубоко затянулся и посмотрел на бегущие по небу облака. Почему он выбрал именно эту профессию? Когда-то давно, в юности, ему казалось, что это очень интересно и захватывающе – разоблачать и ловить злодеев. Романтика, приключения. Порой казалось, что сделанный им в жизни выбор ошибочен. Никакой романтики. Тяжелая, изматывающая работа. Забирающая, не столько силы физические, сколько моральные. Постоянное давление на психику. Душа обрастает толстой непробиваемой коркой. Иначе никак. Сломаешься, не сможешь вынести этой тяжести. Временами мысль о том, что снова нужно копаться в чужих судьбах, чужих поступках и проблемах, ворошить грязь, вытаскивать на свет неприглядные, а порой отвратительные секреты, казалась невыносимой. Но это все ерунда, конечно. Просто иногда находит. Нервы... Специфика профессии...

1992г. Москва

Нестор вертел головой во все стороны. Вот это город! Народу! Машин! Дома здоровенные! В метро, прямо под землей поезда ездят. Лестница сама людей везет – не нужно ни вверх, ни вниз идти. Нестор даже струхнул немного сначала, когда увидел ползущие друг за другом ступени, выезжающие прямо из пола. Взяв себя в руки, чтобы со стороны не было заметно, что он испугался, он с опаской шагнул на очередную выехавшую ступеньку. Доехав до центра города, как ему указали пассажиры в вагоне, когда он спросил, где находится самая середина Москвы, Нестор поднялся по очередной самодвижущейся лестнице и вышел на улицу.

– А как мне до физтеха добраться? – спросил он у первого попавшегося прохожего. Дядька интеллигентного вида удивленно посмотрел на чудного парня.

– Вам, молодой человек, в справочное бюро нужно обратиться. А может, Вы адрес знаете?

– Точно! – обрадовался Нестор. – У меня ж на бумажке записан!

Он полез в карман штанов и извлек небольшой клочок бумаги с неразборчивыми каракулями.

– О, улица... – Нестор удивленно посмотрел по сторонам. Дядька испарился. Чудной город! Как можно посреди разговора с человеком уйти? Может дело, конечно, важное. А может, случилось у него, что? Нестор еще раз огляделся по сторонам в поисках пропавшего

интеллигента, вдруг ему помощь требуется. Мужика нигде не было. Ну, нет, так нет. Придется кого-нибудь другого спросить.

К моменту, когда Нестор добрался до нужного ему места, он уже сделал некоторые выводы о Москве и ее обитателях. Во-первых, как это ни странно, тут, вроде как, всем друг на друга наплевать. Никто особо помочь не стремится. Во-вторых, оказалось, что Москва – это город приезжих. Такое впечатление, что самих москвичей вообще нет. Народу тьма, но к кому ни обратись, слышишь один ответ: «Не знаю. Я не местный, не местная. Сам ищу. Только приехал, не знаю ничего». И, в-третьих, и это тоже очень и очень чудно, даже те немногие, кто вроде не говорил, что не местные, город свой как будто не знали, и где улица, которая нужна была Нестору, никто ему сказать не мог. Пришлось ему, в конце концов, к милиционеру обращаться. Тот, тоже сначала отмахнуться хотел, но потом, то ли пожалел паренька, явно приехавшего из глубинки, то ли решил, что такому настырному проще ответить. Но он с кем-то там связался по хрипящей рации, попросил по каким-то базам «пробить» адрес и, получив ответ, подробно рассказал Нестору, как добраться до нужного места, которое, как оказалось, было совсем не близко от центра города. Ехать до него было, еще ого-го сколько!

В общем, Москва и удивила и озадачила, приехавшего из малюсенького украинского села, Нестора Павленко. Но слишком уж долго удивляться времени не было. Нужно было заниматься подачей документов для поступления в институт, ради чего он собственно и в Москву-то приехал, а еще и с общежитием возникли проблемы. Нестору твердо дали понять, что пока он не является абитуриентом, ни на какое место в общежитии он может не рассчитывать. Жильем он должен обеспечивать себя сам. Но и в случае поступления особо рассчитывать на проживание за казенный счет, опять же не стоит – мест в общежитии нет. Все занято. Нестор попробовал поинтересоваться, как же так не рассчитали, сколько мест нужно не проживающим в Москве студентам, но ему очень-очень настойчиво намекнули, что таких умников тут не сильно жалуют и можно не только с общежитием пролететь, но и с самой учебой. Нестор хотел возмутиться и даже собрался обратиться к институтскому начальству, но вспомнил, с каким трудом наскреб денег на билет до Москвы, и не факт, что если он и впрямь пролетит с поступлением, то на будущий год, что-то изменится. Да и терять год, даже ради торжества справедливости, очень не хотелось. Махнув рукой, на какую-то явную аферу с местами в студенческом общежитии, он отправился на поиски хоть какого-нибудь места проживания.

Хоть Москва и странный город, где трудно, что-то найти, и еще труднее получить то, что нужно, но и здесь, тот, кто ищет, рано или поздно, все же находит, а если прикладывает усилия то и желаемое получает. Потратив чуть не целый день на попытки узнать, где можно найти жилье, которое не будет стоить целое состояние, Нестор, в конце концов, получил, через десятые руки, адрес одной старушки, которая сдает «угол» недорого. Нестору угол годился, ничего другого он себе и не мог позволить. Найдя место обитания бабульки с «углом», он довольно быстро поладил с ней, сойдясь на вполне сносной цене. Правда, сначала бабка отнеслась подозрительно к приезжему парню с диковатыми глазами, как ей показалось, как у настоящего разбойника, но побеседовав немного, она решила, что потенциальный жилец просто выглядит побандитски, а так парень вполне ничего. Видно, что честный, и к тому же вежливый и уважительный, да и без запросов, как нынешняя-то молодежь.

Следующим шагом, так как жилье оказалось платным, а жизнь в Москве, даже самая скромная, весьма дорогой, Нестор приступил к поиску работы. Найти работу, как и все прочее в столице России, тоже оказалось задачей не из простых. Нужна была регистрация. В местах получше – диплом. А во многих местах, а вернее в большинстве – и опыт работы. Нестор пытался объяснить, что он приехал учиться, а до этого служил в армии, а до этого... Дальше его уже не слушали. Не подходите, нет вакансий, извините, сейчас ничем помочь не можем и т.д.

В конце концов, Нестор пристроился грузчиком. Разгружать стройматериалы, на базе торгующей мелким оптом товарами для ремонта и строительства. Работа была тяжелая. Пла-

тили мало, но Нестор не унывал. Главное он в Москве. Поступит в институт, а там все дороги для него открыты.

– Чудной, – посмеивалась бабка, сдавая угол. – Дак, в институт-то еще поступить нужно. Это сейчас, говорят, тоже не просто. Ты ж на платное-то не пойдешь. А на бесплатное – сложно, все кругом своих пристраивают. По блату.

– Я поступлю, – твердо сказал жилец, сверкнув темными глазами.

– Ну, господь тебе в помощь, сынок, – покивала бабка. – Парень ты дельный. Сразу видно. И, видать, упорный. Только, милый, сейчас-то везде знакомства, говорят нужны. Блат. Это, значит, чтоб пробиться-то в люди нужно, что бы кто-то помогал у кого у самого должность есть, положение.

– Я так пробьюсь, сам, – снова сверкнув глазами, уверенно повторил жилец.

Бабка внимательно посмотрела на него. А ведь и правда. Такой пробьется. Всего добьется сам. Без блатов, без знакомств. Она перекрестила его и про себя прочла молитву. Дай-то бог, что б все у него сложилось.

Глава 3

1995г. Москва

– Ах! – Рита откинулась на подушку, тяжело дыша. Вот это она понимает! Не то, что... Она достала из пачки, лежавшей на ночном столике рядом с кроватью, сигарету. Затянувшись, и выпустив тонкую струйку дыма, она снова легла. Блаженная улыбка тронула пухленькие, хорошенькие губки. Хорошо!

– Ну, что, может, повторим? – улыбаясь, сказал Дима. Волосы и кожа у него были влажными. Вот они оторвались! Девчонка просто огонь.

Рита игриво посмотрела на него. До чего же хорошенький!

– Я смотрю, ты прямо неугомонный! – она рассмеялась.

– Я как пионер, всегда готов! – самодовольно заявил Димка и тоже потянулся через нее за сигаретой, слегка задев рукой мягкую, шелковистую кожу пышной груди. Рита призывно улыбнулась. На самом деле, конечно, можно бы и передохнуть. Это он так, хорохорится. Но если что, то пожалуй можно и повторить, уж как-нибудь он выдержит. Димка покосился на лежавшую рядом девушку и улыбнулся. Аппетитная пухляшка, ничего не скажешь. Грудь, попа – все при ней. Кожа гладкая. Румянец во всю щеку. Глаза озорные. Димка вновь почувствовал возбуждение. Нужно и впрямь повторить. Чего упускать такую возможность? Сейчас покурят, отдышатся и можно по новой. Он обвел глазами комнату. Обстановка безвкусно-аляповатая. Но видно, что девчонка вполне «упакована». Стенка импортная, видак, музыкальный центр. На стенах какие-то картины в золоченых рамах. Мазня, но видно, что настоящие картины, а не репродукции. Ковры. Мебель мягкая, куча дребедени: фарфор, хрусталь, статуэточки, вазочки, шкатулочки. Одним словом, полный комплект. На туалетном столике куча косметики. Духов, чуть не десяток флаконов, французских, дорогих, а не дерьма какого-нибудь турецкого.

– Ты здесь одна живешь? – поинтересовался Димка. Вообще-то ему было наплевать. Продолжать отношения он не собирался. Но нужно же о чем-то говорить, пока они «отдыхают».

– Нет, с парнем моим, – беспечно ответила Рита, очевидно не считавшая верность неотъемлемой частью девичьей добродетели.

Димка весело посмотрел на нее. Ему стало даже интересно. Девушка так легко пригласила его к себе, после того, как он сегодня в кафе угостил ее кофе. Он бы и не подумал, что у нее серьезные отношения с кем-то. Жить вместе, это же все-таки серьезные отношения. Наверное.

– А чего ж ты парню-то своему, уж извините, рога-то наставляешь? – хохотнул Димка, живо представив размер этих самых рогов. Небось, сгибается до земли под их тяжестью, бедолага, судя по легкомысленному отношению Ритки к данному вопросу.

Рита засмеялась.

– А того. У него маленький очень. Не удовлетворяет он меня. – Она вздохнула. Димка постарался сдержать смех – ничего себе признание! Он, конечно и с замужними, и с какими только не спал. Но впервые в его «практике» причина, по которой женщина изменяет – размер мужского достоинства. А еще говорят, размер не главное!

– Это он тебе так все тут обставил? Или сама хорошо зарабатываешь? – вновь поинтересовался Димка, решив проявить мужскую солидарность и оставить тему физического изъяна Риткиного кавалера.

– Не, я не работаю. Это Толик. Он, только между нами, – она пристально посмотрела на Димку и доверительным тоном сообщила, – ну, вроде как из блатных. Только смотри! Никому.

Димка развернулся к девушке и внимательно посмотрел ей в лицо, вроде серьезно говорит. Чего-то ему расхотелось повторения. Блатной, не блатной, а кто его знает. Судя по обстановке-то, похоже, что Риткин хахаль и впрямь с законом не в ладах. Ни стиля, ни вкуса, а вещи все дорогие. Очень может быть, что все тут ворованное. На это Димке было, конечно, плевать.

Но вот встретиться с Риткиным сожителем у него никакого желания не было. Ну ее. Пусть со своим, бандюганом развлекается, в силу его скромных возможностей. Значит судьба ее такая.

– А сейчас-то твой блатной Толик где? – осторожно поинтересовался Димка. Выглядеть трусом ему, конечно, не хотелось, но и перспектива встречи с Толиком, казалась очень мало-привлекательной.

– Да расслабься, – беззаботно махнула рукой Ритка. Они на какие-то разборки поехали. Пока съездят, решат все дела. Потом – в кабак. Они всегда так. До завтра не вернется он. Я ж его знаю.

Судя по интонации, к Толику она особых чувств не питала. Дима почувствовал, как ее рука нежно провела по его животу, спускаясь все ниже. Если Толик до завтра не вернется, можно конечно и...

Послышался звук отпираемого замка. Рита тихонько вскрикнула и метнулась с кровати за своим халатом, валявшимся на полу, как и вся остальная одежда. Глаза у нее были испуганные и совершенно круглые. Румянец во всю щеку, бесследно исчез. На смену ему пришла неестественная бледность.

– Он нас убьет! – тихонько пискнула девушка.

Димка схватил штаны и начал быстро их натягивать. Рубашку он застегнуть не успел. На пороге комнаты возник Толик. Судя по всему, Ритка сказала правду – внешне Толик был самый настоящий бандит. Бритоголовый крепыш, сверкающий злобными глазами, и сжимающий здоровенные кулаки.

– Сука! – проревел Толик.

– Толя!!! – пропищала Ритка и получила мощный хук в челюсть.

– Тварь! Потаскуха! – Толик сплюнул в сторону скорчившейся в углу девушки.

– Толя! – протягивая к нему руки, жалобно завывала Ритка. Губа у нее была разбита и щека покраснела как спелый помидор. «Синяк будет», – машинально отметил Димка, понимая, что у него-то будет не только синяк.

– Убью, падла! – прорычал Толик вращая налитыми кровью глазами. Собрав все свое мужество, а чего уж ему терять, все приплыли, Димка гордо распрямился и возмущенно взглянул на Толика.

– Нельзя бить женщину! – понимая, что в данном случае это верх идиотизма, сообщил Димка прописную истину некультурному рогоносцу.

– Че?! Ах ты, гондон! Трахаешь мою бабу и еще... – остаток фразы Дима не дослушал, так как на него обрушился удар страшного кулака Толика, и он потерял связь с реальностью.

–

Димка приоткрыл глаза. Все плыло, в ушах шумело, звуки доносились откуда-то изда-лека, как будто он находился под водой. Напротив него была грязная стена с облупившейся краской. Это уже не квартира, догадался он. Все тело болело. Спине и тому, что ниже, то есть заднице, было мокро. Димка чувствовал, что лежит на чем-то жестком и неровном.

– А, очухался, урод! – прорычал знакомый голос. В следующую секунду любитель позажигать с девушками уголовных элементов ощутил сильный и невероятно болезненный удар тяжелого армейского ботинка по ребрам и еще один в живот.

– Будешь знать, тварь, как к чужим бабам в трусы залезать!

Последовал еще удар.

– Я тебя сейчас здесь кончу, понял, мудило?

Толик наклонился к самому лицу Димки. «Может сказать ему, что я знаю его маленький секрет про его маленький? Все равно ведь убьет», – со злорадством и решимостью обреченного, подумал Димка. Но все же решил, что лучше воздержаться. Удар в челюсть и пару фингалов похотливая Ритка переживет, а вот свои разглагольствования о размерах и способностях Толика в постели, может и не пережить. Зачем еще и девчонку губить? Пусть живет, радуется

и радуется других, желательно без неприятных последствий. Может, поумнеет, впредь осторожнее будет. Научится не полагаться на авось и не приводить кавалеров на «воровскую хазу», а развлекаться на нейтральной территории.

– Сам ты мудило, – еле ворочая языком, сказал Димка в перекошенное злобой лицо бандита, и насмешливо ухмыльнулся разбитыми губами.

– Ах, ты сука!!! – Толик вновь нанес удар ногой, и еще один. Сквозь звон в ушах Димка, слышал и другие голоса. Толик, оказывается, был не один.

– Нужно его оттащить отсюда, Толян. Хочешь, что б нас замели?

«Сейчас они меня в какой-нибудь подвал затащат, и привет. Останутся от козлика рожки да ножи... Как глупо...», – Димке стало жаль себя. Жаль родителей. И какого черта он потащился к этой Ритке?

– Эй, мужики! Вы чего делаете? Четверо на одного – получается не по-мужски. – Голос был сильный, даже властный.

– Это че за придурок?! – даже несколько удивленно проворчал Толик.

– Пацан, че тебе надо? Топай своей дорогой, если не хочешь рядом с ним лежать. Щас быстро организуем, – посоветовал неприятный, сиплый и в тоже время несколько высоковатый для мужика голос.

– Чего, сильно борзый? Или просто головой двинутый? – прокаркал грубый и хрипловатый.

– Иди, иди, пацан. Беги к мамке. Мы маленьких не обижаем, – заржал еще один, показавшийся Димке изо всех предыдущих наиболее симпатичным, потому, что был веселым, почти дружелюбным.

– Че встал?! Вали, тебе говорят! Че, не понял, правда, тупой?! Сейчас объясню, сразу дойдет! – прорычал невоспитанный рога носец Толик.

– Отпустите его, сказал! – еще громче и решительнее потребовал неожиданный защитник, которого Димка, к своему большому сожалению, никак не мог разглядеть. У него все кружилось и расплывалось перед глазами. Судя по всему, тот, кто за него вступился, был один. «Если это не Брюс Ли, или хотя бы не Ван Дамм, нам обоим хана», – почти равнодушно подумал Димка. Стало даже жаль наивного паренька, решившего проявить благородство. Уж, правда, шел бы себе по своим делам, целее был бы, чего в герои-то зря рваться, он один, а их, судя по всему, четверо. Завалят парня, ни за что, ни про что.

– Не, ты че, правда тупой, уе...к?! – крикнул Толик и тяжело затопал, очевидно, навстречу Димкиному заступнику.

О том, как разворачивались дальнейшие события, временно утративший способность видеть, Димка мог догадываться только по звукам. Послышался топот ног, возня. Звук удара. Вопль, завывания. Ругань. Еще удары. Крики. Снова вопли, брань, топот ног, пыхтение, стоны, сопение. Димка, сделав усилие, немного приподнялся. Постаравшись сфокусироваться, он смог, наконец, разглядеть четверых отморозков наскაკивающих на невысокого, довольно невзрачного на вид парня. Но тот, хоть и был ростом невелик, дрался с такой яростью, что то один, то другой из нападавших, хватался за место, по которому пришелся его удар, с искаженным от боли лицом, стонами и матерной бранью. Непрерывно слышались угрозы, шумное сопение, громкие вскрики. Димка улыбнулся. Маленький, чудаковатый паренек, в одиночку бросившийся в драку против четверых здоровых бугаев, в данный момент, был для Димки настоящим героем. Тем, на кого хочется быть похожим самому, кто вызывает восхищение своей безрассудной отвагой. Даже на душе стало легче. Есть еще настоящие люди, не все в этом мире потеряно, кому-то не наплевать на других. Конечно, одному против четверых парню, в любом случае, не выстоять. Димка, преодолевая боль, головокружение и противную дрожь во всех четырех своих конечностях, начал вставать. Парнишку там сейчас убьют, как пить дать,

из-за него, а он тут разлегся. Потом своими болячками будет заниматься, когда они выберутся из этой передраги. Если выберутся...

Димка долго не продержался. Получив очередной удар от одного из дружков Толика, он рухнул как подкошенный. У парня, вступившегося за него, уже тоже лицо было разбито, правая бровь сильно рассечена. Веко под ней, на глазах наливалось фиолетовым, распухая до невероятных размеров. Парнишка пошатывался, но продолжал наносить удары. Димка, стараясь не провалиться в небытие, следил мутным взглядом за дракой. Скоро, через минуту или через пять, не важно, они повалят паренька и тогда конец. Им обоим. «Беги! Не будь дураком!» – хотелось крикнуть Димке. Но, во-первых, он не мог произнести ни звука, у него изо рта вылетал только свистящий хрип, а, во-вторых, он был уверен, парнишка не послушается и никуда не побежит. Такие, как он, или выходят победителями, или стоят до последнего, до тех пор, пока бьется сердце.

– Эй!

– Да, е... вашу мать! Сегодня че, день е...х героев что ли? – взревел Толик, доведенный абсурдностью происходящего до настоящего бешенства.

–

Когда Михаил Озерский, возвращавшийся из суда, где у группы студентов юрфака сегодня было практическое занятие, заметил в подворотне драку, он хотел обойти «место сражения» стороной и пройти к своему подъезду, обогнув соседний дом. Разборки местных уголовников чреватые неприятными последствиями для любого, кто окажется в непосредственной близости в неудачный момент и подвернется под руку. Лучше от них держаться подальше. В пылу драки запросто, ткнут ножом или просто по голове дадут. Им, когда разойдутся, все равно кого бить, они и не смотрят кто там. Бросив взгляд на дерущуюся компанию, устроившую нешуточную разборку, Михаил заметил среди дерущихся парня, живущего в соседнем подъезде, его теснили и пытались повалить четверо явных отморозков. Парень, жил в одном доме с Михаилом уже года два или три, и явно не был из числа местных бандитов. Ходил всегда трезвый, аккуратно одетый. Никого не задирали. С местными не яхшался. На земле, у ног дерущихся, лежал еще один парень, сильно побитый и судя по одежде тоже не из блатных, а наоборот – «мальчик из приличной семьи». Михаил вздохнул. Конечно, драться ему не особо хотелось – охота была, ни за что, ни про что, получить по морде, а то и колото-резаное, от озверевших бандюков. Но и уйти он уже не мог. Сейчас эти четверо повалят соседа и запинаят ногами, и хорошо, если не до смерти. Он хоть и дерется с какой-то невообразимой яростью, но видно, что уже на пределе, на ногах с трудом держится. Мишка шагнул вперед.

– Эй! Прекратите!

–

– Спасибо вам мужики! Думал все, конец мне, – улыбаясь разбитыми губами и кривясь от боли, немного пришепетывая, сказал Димка. – Вы оба, ну просто мои герои!

– За что хоть били-то? – утирая кровь, поинтересовался маленький герой, бесстрашно бросившийся, на защиту первым.

– С девушкой одного из них развлекся, а в это время он пришел, как в анекдоте, – засмеялся Димка и тут же пожалел об этом. И губы и побитые ребра отозвались нестерпимой болью.

– Так может, зря мы вступились? Может, тебя за дело? – ухмыльнулся маленький и подмигнул здоровым глазом высокому блондину. Тот, прижимая к разбитой скуле платок, сердито покосился на спасенного героя-любownika. Они все в синяках, в крови, в разодранной одежде, а он, оказывается, с чужой девчонкой развлекался. Да еще нашел с чьей.

– Да я об его существовании узнал, когда у нас с ней уже все случилось. До того ни сном ни духом, – попытался оправдаться Димка.

– Да, ладно, – махнул рукой маленький. – В любом случае, четверо на одного – не дело. – Он криво улыбнулся, так как губа у него была разбита, и протянул руку. – Нестор!

Несмотря на небольшой рост, рукопожатие у него было крепкое, как будто рука выкована из железа. Такой съездит по физиономии, мало не покажется. Понятно, почему эти четверо долго не могли его одолеть.

– Дмитрий.

– Михаил.

– Чего, может за знакомство по пивку? – предложил Димка. – Можно и чего покрепче. Я угошаю. Вы ж мои спасители! Да и домой, честно говоря, не охота. Полночи нотации выслушивать. Мать, наверное, вообще в обморок упадет, – усмехнулся он, представив лицо матери, когда он такой весь красивый, явится перед ней.

– Да уж, – вздохнул Михаил, тоже живо представив реакцию своих.

–

Вид у троицы, распивающей портвейн, в небольшой беседочке перед домом, был примечательный. Куда там местным алкашам. Лица у всех троих в сплошных ссадинах и кровоподтеках. Одежда грязная, разорванная. Костяшки пальцев сбиты в кровь. То и дело слышался жизнерадостный гогот, вслед за которым тут же раздавалось оханье и стоны. Каждый приступ веселья вызывал весьма болезненные ощущения в поврежденных частях тела, что не мешало, полминуты спустя, снова начинать хохотать, а затем вновь охать и кривиться от боли, продолжая хихикать, над собой и друг над другом.

– За нас! – сказал Нестор своим сильным голосом прирожденного вожака. Все трое чокнулись пластиковыми стаканчиками.

– Правда, спасибо ребята! Я клянусь, за каждого из вас хоть в огонь, хоть в воду, – сказал Димка и залпом выпил содержимое стаканчика.

– Ты, главное, сам больше на чужих баб не напрыгивай, – засмеялся Нестор. Михаил подмигнул Димке и тоже расхохотался. – А то тебя спасать, так и инвалидом недолго сделаться.

–

Поздно вечером «жилец», стараясь не шуметь, тихонько вошел в квартиру. Уже разволнованная его непривычно долгим отсутствием бабка выглянула в коридор и ахнула.

– Господи, сынок, что ж с тобой случилось-то, кто ж тебя так? – запричитала она. Вот ведь, дожили! По улице нельзя пройти. На нормальных-то людей нападают. Да и могут ведь не то что побить, а и вовсе жизни лишить ни за что, ни про что. – Ой! Что ж делается-то! Ой!

– Да нормально все. Хватит причитать, бабуль, живой я, – попытался успокоить квартирную хозяйку Нестор. – Другу помочь пришлось, заступиться.

Бабка покачала головой. Времена-то какие! Ужас, ужас!

– Пойдем, милый. Я щей наварила. Покормлю тебя, горемычный ты мой. А бровь-то! Бровь, как разбили, изверги! Ведь в больницу нужно!

– Да, нормально, заживет. Не впервой. Давай лучше щей. Проголодался ужас!

Глава 4

1998г. Москва

– Вот, Димон.

Нестор щелкнул выключателем. Вспыхнула тусклая, свисающая на проводе с потолка лампочка. Помещение, равномерно покрытое толстым слоем пыли, и также равномерно заваленное какими-то ящиками, коробками, мусором, без единого окна, с обшарпанными стенами, представляло собой весьма унылое зрелище.

– Что вот? Место, где тянет наложить на себя руки? Согласен. Мне уже охота, – скептически глядя вокруг себя, изрек Димка. Лицо у него страдальчески скривилось.

– Да нормальное место! Покрасить стены, весь хлам выбросить, и совсем все по-другому будет выглядеть, – уверенно сказал Нестор.

– Ну, не знаю. У нас и так денег нет, а тут еще ремонт оплачивать...

– Никакой ремонт мы оплачивать не будем. Сами все сделаем. Уж на банку краски мы наскребем как-нибудь.

– Сами?! – ужаснулся Димка. – Да ремонт, это же сплошная морока, грязь, пыль, вонь. Я – не умею. Я инженер, а не маляр, – с гордым, даже немного надменным видом заявил он.

– Научишься, – уверенно пообещал Нестор. Димка обреченно вздохнул.

–

Спустя месяц Нестор и Димка въехали в первый офис своей фирмы, зарегистрированной на имя предпринимателя Нестора Ивановича Павленко. Дмитрий Александрович Соболев, значился в ней замдиректора по основным вопросам. По каким именно друзья еще не придумали. Но как будет точно называться должность в бухгалтерской ведомости, было не столь важно. Главное, что они достигли поставленной цели. Осуществили мечту – открыли собственную фирму и теперь, все зависит только от них. Вернее сказать, мечта была Нестора. Димка ее поддержал, за компанию, и был рад играть роль «второй скрипки», быть на подхвате. Зам – это не директор. И спрос меньше, и вообще. Димка был слишком ленив и бесшабашен, чтобы рваться в руководители. Его вполне устраивала роль ведомого. Быть лидером – это не его. Он любит получать от жизни удовольствия, наслаждаться, в полной мере, всеми ее прелестями. А уж, какое тут удовольствие, когда день и ночь голова занята рабочими проблемами и сердце болит за дело рук своих. Нет уж! Пусть Нестор займет место вожака. Это его, однозначно. А ему, Димке и так распрекрасно!

– Ты молоток, Нестор, – хлопнув друга по плечу, сказал радостный зам, Димка. Больше всего его радовало, что закончился весь этот напряг с подготовкой. – Ты своей настойчивостью, целеустремленностью и фанатизмом, чуть не вогнавшими меня в гроб, во время всей этой подготовительной деятельности, обязательно добьешься поставленной цели. Ну и я, следом за тобой, разумеется, если ты меня раньше, все же не уморишь, – хохотнул он.

– Мы ж все вместе делали. Ты даже пару раз валиком по стене провел – герой! Так, что заслуга общая, – улыбнулся Нестор.

– Да я так, из-за твоего плеча выглядываю, по проторенной дорожке иду, – с ложной скромностью сказал Димка, расплываясь задорной улыбкой. – А про валик молчи, не напоминай даже. – Димка передернул плечами и брезгливо поморщился. Никогда в жизни он ничего больше не будет красить и ремонтировать. Ужас! Он еле отмылся, потом, и отплевался от краски и пыли.

– Вы ребята молодцы. Горжусь вами, други мои! – поднимая бокал, улыбнулся Михаил.

– Вот, мы сейчас расширится, и тогда нам юрист понадобится. Пойдешь к нам, Мишань?

– Нет уж друзья мои дорогие, увольте. Извините, но я решил быть волком одиночкой в плане работы. Потому и не стал ни в какую фирму устраиваться. Хочу быть сам по себе – птица свободного полета. Хочу, работаю, хочу, в потолок плюю. Никакого начальства!

– Ой, да и пожалуйста, – скорчил рожу Димка. – Обойдемся как-нибудь. Вашего брата, нынче как собак, знаешь ли. Куда ни плюнь, обязательно в юриста попадешь. Да Нестор? Вот мы, инженеры! Так даже звучит гордо! Мы, практически, представители человечества, занесенные в Красную книгу. Штучный товар. Бесценные самородки. Мозги плюс талант...

– Балабол! – ухмыльнулся Нестор

Михаил многозначительно посмотрел на друзей. Глаза у него сияли.

– У меня новость, мужики! Я женюсь!

Димка закатил глаза и, смеясь, обнял друга, похлопывая его по спине.

– Вот идиот, и еще и радуется! Одно слово – юрист.

– Поздравляю. Хотя, соглашусь в данном вопросе с Димоном, – обнимая счастливого жениха, усмехнулся Нестор. – Большинство бед в этом мире от баб.

– Какие же вы идиоты! – смеясь, сказал Мишка и заорал во все горло: – Я самый счастливый человек на свете!

– Тише ты! Спятил? У нас тут перекрытия слабые, сейчас как накроет! – заржал Димка. – Нестор прав. Точно, все беды от женщин – лучшие люди и те ума лишаются и начинают вести себя, как слабоумные. Женщины они, конечно, нужны, не спорю. Я их сам люблю. И они могут подарить райское блаженство. Но, после того как они его подарили, нужно быстренько бежать без оглядки, а то райское блаженство может превратиться в пожизненную кабалу.

– Когда свадьба-то? – поинтересовался Нестор, после того как друзья исчерпали все шуточки и насмешки в адрес будущего женатика и подкаблучника.

– Через месяц. Она необыкновенная! Я самый счастливый человек в мире! А вы – два идиота!

Димка покрутил пальцем у виска, делая Нестору знаки глазами, смотри мол, точно – не в себе человек.

– Я все вижу, – смеясь, сказал счастливый жених.

–

– Лида...

– Да, – длинные ресницы затрепетали. Прекрасные, немного печальные глаза, посмотрели на сраженного любовью молодого мужчину так, что он почувствовал, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

– Выходи за меня замуж. – Порывисто выдохнул Михаил и протянул избраннице маленькую бархатную коробочку.

– О! – тихонько воскликнула Лида. Щелкнул замочек. – О!

Затаив дыхание, Михаил сидел в ожидании ответа. Ведь девушка вроде бы должна ответить на предложение?

– Лида?! – испуганно спросил он, заметив, что мечта его жизни, не отрываясь, смотрит на кольцо и молчит. А в ее прекрасных глазах отнюдь не восторг, не радость и умиление, а слезы! – Лида!

– О! – в третий раз выдохнула она. Вновь ресницы затрепетали и одна слезинка, выкатилась-таки из самых прекрасных в мире глаз. – Прости!

Она быстро смахнула слезинку маленькой, изящной рукой и натянуто улыбнулась. Михаил в ужасе смотрел на свою любимую.

– Почему ты плачешь?! – не зная, что и подумать спросил он. Неужели она скажет – нет?! – Милая моя! Лида! Что с тобой? Я тебя расстроил? Умоляю, не молчи!

– Все хорошо, – голос у нее едва заметно дрогнул. – Прости, это так глупо... Просто, даже не знаю, как сказать. Нет, нет, я не о твоём предложении. – Она немного смutilась. Щечки

порозовели, губы дрогнули в вымученной улыбке. – Просто, когда я представляла этот момент, наверное, как и все девочки, обязательно представляют его... Я всегда... – она засмеялась и прижала изящные маленькие ручки к щекам. – Это и вправду глупо...

– Нет. Ничего глупого. Скажи. Ты можешь сказать мне все, что угодно и это не покажется мне глупым, честное слово, – заверил безумно влюбленный молодой человек.

– О! Ты такой замечательный! Просто... мне почему-то всегда казалось, что кольцо... будет с бриллиантом. Я же говорю – глупость... – Она вновь стыдливо опустила ресницы. Михаил выдохнул с облегчением. Какое счастье! Она не говорит – нет. Все дело в камне. Ведь для девушки эти пустяки и впрямь важны. Это он – идиот! Купил кольцо с изумрудом, думал под цвет глаз. Болван!

– Боже, да я завтра же поменяю кольцо. Ты согласна стать моей женой?

Она улыбнулась, на этот раз радостно. Глаза у нее светились чудесным светом и были сейчас точь в точь такого же цвета, как отвергнутый ею злополучный изумруд. «Как я ее люблю!» – подумал Михаил.

– Да, – прошептала она. – Согласна.

–

Кольцо с бриллиантом, с таким, какой не стыдно преподнести, самой замечательной девушке в мире, оказалось несколько дороже. Но ничего не поделаешь. Влюбленный должен быть готов бросить к ногам любимой все. Целый мир, если потребуется.

Часть денег пришлось занять у родителей. У них же пришлось занимать еще не раз и не два – свадьба, как оказалось, была мероприятием весьма дорогостоящим, особенно, такая свадьба, которую «всегда представляла себе» лучшая в мире девушка. Платье, не какое-нибудь пошлое из гипюра, в котором невеста похожа на гигантское бeze. А такое, как у принцессы из сказок, какое виделось невесте, любившей в девичестве помечтать, удивительно детально, представляя все до мелочей. В ателье, где Лида решила заказать платье свадебное платье принцессы, Михаилу вручили счет. Взглянув на сумму, Михаил испытал легкий шок. Он даже не предполагал, что платье может стоить почти как половина машины. Но, Лида была принцессой, богиней, по крайней мере, в глазах Михаила, и он был готов воплотить для нее в реальность любые мечты. После платья шел еще длинный список того, что обязательно должно «сопровождать» столь важное событие и соответствовать высоким требованиям и стандартам мира грез невесты. Список был внушительный. Родители, всей душой радовавшиеся за сына, и искренне желавшие помочь устроить достойное торжество, с трудом, но изыскали возможность, снабдить молодых достаточными средствами. Преисполненный благодарности жених, естественно, намеревался все вернуть. Родители всю жизнь копили, а он, получается, оставил их без гроша. Но подобное событие ведь бывает раз в жизни. Влюбленный и счастливый Михаил махнул на все рукой и, решив, что разбираться с долгами будет уже потом, с нетерпением ждал приближения важнейшего и лучшего дня своей жизни.

За две недели до грандиозного торжества, выяснилось, что требуется оплатить еще свадебное путешествие, естественно, путешествие мечты, такое, какое невеста всегда-всегда представляла – Италия, Франция, Бельгия. Михаил немного погрустнел. Ему не жалко было денег – их просто неоткуда было взять. И у него, и у родителей денег больше не было. Выручил Димка. Он обратился за финансовой поддержкой великого события к своим родителям.

По возвращении из путешествия, Михаил подсчитал общую сумму долгов и слегка ужаснулся. Сумма была кругленькая, ого-го какая кругленькая. Пришлось новоиспеченному молодому поднажать на работу. В течение трех с лишним месяцев, он брался и за оформление фирм «под ключ», то есть сам делал все от начала до конца – готовил документы и потом носился по разным инстанциям, оформляя их, получая бесчисленные подписи и разрешения. Брался за переводы – художественные, технические, маразматические. Вообще за любую работу, хоть как-то соответствующую его знаниям и умениям, за которую более-менее сносно

платили. На месяц он еще, дополнительно, оформился помощником нотариуса. Знакомый нотариус попросил выручить, и просьба пришлась, как нельзя кстати, платили там неплохо, но работы был завал. Свою приходилось делать по ночам. Через три с половиной месяца долги были возвращены. Михаил за это время несколько похудел, побледнел, испытывал постоянное недосыпание, так как, что бы все успеть, по ночам приходилось работать довольно часто, можно сказать регулярно. Но впереди была долгая, наполненная счастьем семейная жизнь, и что, по сравнению с ней, с целой жизнью, значили временные трудности и небольшие жертвы? А молодость, и крепкое здоровье, позволили перенести эти самые трудности более-менее легко. Рассчитавшись с последним «кредитором», радостный супруг повел любимую жену в ресторан, отметить. Лида нежно улыбалась мужу и смотрела зелеными глазами в его, полные любви и счастья.

Неделю спустя, сидя за завтраком, напротив посвежевшего и пришедшего в себя за это время Михаила, Лида тяжело вздохнула.

– Что случилось? – встревожился он.

– О! Даже не знаю, как сказать, – глаза у нее были ужасно печальные. У Михаила даже дыхание перехватило – что-то страшное случилось! Внутри все сжалось и похолодело.

– Лида! Мы же договорились говорить друг другу все, – нежно глядя на жену сказал он, пытаюсь скрыть охватившую его тревогу.

– Миша, скоро зима, – она вздохнула еще раз, еще более тяжело и печально. Посмотрев в окно, за которым сентябрь ласково освещал землю полупрозрачными не гучими, а по-осеннему, чуть теплыми лучами солнца и золотил листья на деревьях, она тихо сказала дрожащим от сдерживаемых слез голосом: – Понимаешь... У меня никогда... никогда не было шубы. Я очень хочу шубу... – последние слова она прошептала чуть слышно, очевидно, совершенно смутившись собственным признанием.

Лида посмотрела на мужа огромными по-детски наивными, несчастными глазами полными слез. Михаил ощутил прилив нежности, любви и грусти, от того, что его любимая женщина, всю жизнь была вынуждена обходиться без шубы. Ужас! С его-то точки зрения это, конечно, ерунда. Он-то без шубы обходится и не страдает. Но он мужчина. А она – ангел, нежный цветок, утонченное создание. Ей обязательно нужна, просто необходима шуба! А раз нужна – значит, будет. Слава богу, что ничего страшного! Просто она глупышка. Такая милая и трогательная!

– В субботу едем в магазин. Купим тебе шубу, – улыбаясь, сказал он, чувствуя, как его переполняет гордость, от того, что он может подарить своей любимой хоть немного счастья, исполнить ее мечту и вернуть радость в ее прекрасные глаза.

– О, боже! Ты самый, самый, самый замечательный! – Лида запрыгнула мужу на колени и ласково обняла.

«Какой я счастливый! Как мне повезло!» Михаил хотел даже опоздать на работу, и предаться занятию куда более приятному, чем составление юридических документов, но Лида со смехом сказала, что у нее куча планов на утро и каждая минута буквально расписана. Пришлось ехать на работу – вовремя, но не вполне удовлетворенным, как физически, так и морально, при этом ругая себя за эгоизм – у нее ведь и впрямь свои планы, а он дуется, как маленький.

–

Лида покрутилась перед зеркалом.

– Ну как? – несколько неуверенно спросила она. Михаил залюбовался женой в очаровательной шубке из лисицы. Она выглядела в ней невероятно озорной и соблазнительной.

– Очень хорошо! Ваш цвет, – одобрила продавщица. – И прямо по фигуре. Видите, как отлично сидит!

Лида одарила продавщицу неприязненным взглядом. Заметив этот взгляд, Михаил дипломатично попросил:

– Мы сейчас посоветуемся и позовем Вас, когда решим.

– Конечно, – поняв намек, кивнула девушка и отошла.

Михаил обнял жену за плечи. Пальцы утонули в мягком, пушистом меху.

– Ты такая красивая! Продавщица права, твой цвет. И сидит прекрасно.

– О!

Услышав это «О!», Михаил несколько напрягся – он только-только расплатился с долгами, на «О!» у него денег сейчас не было. Он и на лису-то еле-еле мог наскрести. Даже снова пришлось немного одолжить у отца с матерью. Лида горестно вздохнула. И еще раз. Сердце не камень. Любящий супруг не выдержал.

– Ну, что случилось, родная?

– Я... Я тебе говорила, что у меня никогда, никогда не было шубы, – на этот раз вздох больше походил на всхлип или даже на стон. Михаил и сам уже был готов зарыдать от жалости к несчастной, обделенной судьбой, любимой женщине. – Я мечтала... Хотела...

– Лида, – он нежно поцеловал маленькую мягкую ладошку. Он будет хоть год делать переводы и бегать по разным учреждениям, но жене купит такую шубу, какую она хочет. Она мечтала, а он стоял и думал о деньгах. Что он за человек – он ее не достоин. Она ангел. По-детски чистый и наивный. А он... Михаилу стало стыдно за самого себя. Чудовище! Сухарь! Болван бесчувственный! – Скажи, какую шубу ты хочешь, и мы ее купим.

Он сказал это твердо и решительно, и она благодарно посмотрела на своего героя, прижалась к нему доверчиво и нежно. А герой почувствовал, как бьется в груди сердце переполненное любовью и нежностью. «Какой же я счастливый! Спасибо, Господи!»

– Из песка, – чуть слышно прошептала Лида.

Песец оказался писец каким дорогим, но Михаил запретил себе даже думать об этом.

Вечером он намекнул, что не возражал бы, если жена немного пособлазняет его одетая, исключительно в дорогостоящего пушного зверька. Лида нежно погладила игривого супруга по щеке и печально сказала, что у нее раскалывается голова. «Наверное, переволновалась. Ты же знаешь, как я всегда глупо реагирую... Извини...» Заверив жену, что все в порядке, Михаил отправился спать на диван в гостиную, чтобы не беспокоить занемогшую от переживаний супругу, так как подозревал, что размечтавшись о соблазнительном обнаженном теле жены исключительно в одних только мехах, и обломавшись в своих мечтаниях, он так просто не уснет – будет ворочаться, и мешать ей. Пристроившись, на не слишком удобном и явно коротковатом для его почти двухметрового роста диванчике, Михаил долго лежал, глядя в потолок. Отчаянно пытаясь изгнать из головы не столько эротические образы, сколько всякие, непонятно откуда берущиеся, глупые и не слишком приятные мысли. А они все продолжали и продолжали лезть в голову, мешая заснуть, раздражая и выводя из себя. И еще в голове, почему-то то и дело крутилось одно и то же слово – писец.

2001г. Москва

– Я думаю, может мне пойти работать?

Михаил оторвался от чтения бумаг, которые он просматривал во время завтрака, и взглянул на жену.

– Тебе скучно дома? Тогда конечно, найди себе, что-нибудь по душе. Всегда нужно разнообразие.

Лида тяжело вздохнула. Михаил отложил бумаги в сторону.

– Лидуша! Ну, ты знаешь, что я терпеть не могу эти вздохи и твое напряженное молчание. Я каждый раз до смерти пугаюсь. Скажи сразу, что случилось. Не заставляй меня нервничать и переживать.

Еще один вздох.

– О!... Миша... Я тут подумала... Если бы у меня была машина... я могла бы куда-то ездить. Ты все время на работе. Я одна. Ты не представляешь, каково это постоянно быть одной! – с упреком сказала она.

Михаил вздохнул. Возможно, он и впрямь не представляет каково все время быть одной, но если бы постоянно не требовалось покупать, что-то сверх дорогостоящее, то и ей бы одной сидеть не пришлось и он, мог бы проводить дома выходные и вечера. А то он уж и забыл, что такое нормальный отдых и безделье. После достопамятного песца, была новая кухня – Лида всегда мечтала готовить именно на такой. Новая спальня – Лида мечтала спать на такой кровати. И даже, казалось-бы, такая, совсем не романтическая деталь, как шкаф. Он тоже представлялся ей именно таким. Вероятно, будучи девочкой, а затем юной девушкой, Лида основную часть времени проводила, предаваясь мечтам о том, как бы ей хотелось, чтобы все было в ее жизни, когда-нибудь, в далеком прекрасном будущем и что именно ей необходимо для настоящего счастья. В мельчайших подробностях и деталях. Успела нафантазировать целый идеальный мир.

После спальни настал черед гостиной. Как же – все везде поменяли, а гостиная, что же, останется все такой же, обставленной старой безвкусной мебелью, к которой и подходить-то не хочется, не то, что пользоваться. Диван, все шкафы, заодно уж и телевизор – получше и побольше, новый ковер, судя по цене, изготовленный из шерсти достопамятного песца. Под конец, окинув строгим, придиричивым взглядом комнату, Лида остановила свой взор на люстре – все новое, а люстра старая. Непорядок. Михаил с облегчением подумал, что уж это-то пустяк. Уж люстру-то он осилит легко, чего там. Но, как оказалось, люстра, которая подходила подо все остальное, стояла как половина всей вместе взятой мебели плюс телевизор. Но, подходила, по словам Лиды, только она и ни какая другая. Вероятно, ни какая другая изо всех люстр на всем белом свете. Михаил поднажал. Люстру купили.

Подождав с месяц, пока муж очухается и расплатится с очередными долгами, Лида объявила, что теперь, когда квартира начала походить на человеческое жилье, а не на пещеру первобытного человека или убогую лачугу, нужно довершить начатое. Следующим шагом приближения к «идеальному миру Лидиных фантазий» была ванная. Нет-нет, конечно, Лида не мечтала о банальной прямоугольной ванной, на чугунных ножках. Тут история мечтаний была поистине удивительной. Каким-то непостижимым образом, родившаяся и выросшая в Советском Союзе девочка, как оказалось, всю жизнь мечтала о джакузи. Пузырьки! Струйки воды! Михаил чувствовал, что у него начинается нервный тик, чесоточный зуд по всему телу и, если так пойдет и дальше, он, в скором времени, наверное, начнет лысеть, толстеть, не от обжорства, а на нервной почве, заикаться и подергиваться всем телом. А ведь, полежав среди пузырьков и разнонаправленных струек воды, жена, разнежившись и расслабившись, вполне может прийти к мысли, что и сама квартира, того – не соответствует высоким стандартам ее грез и мечтаний. При этой мысли Михаила и впрямь пробрала нервная дрожь, и он даже застонал. Он уже практически видел себя лысым, дергающимся заикой, то и дело капающим трясущейся рукой валокордин в стакан, сидя на новом диване, в новой шикарной квартире.

–

Выслушав тонкий намек на необходимость купить жене машину именно сейчас, то есть сей же момент, срочно и безотлагательно, Михаил вдохнул побольше воздуха, в очередной раз, представив себя лысым, толстым и подергивающимся, и решительно сказал:

– Лида, конечно, я не против того, что бы у тебя была машина, поверь. Но подожди пару месяцев. Сейчас я просто не могу себе позволить, только-только расплатился с долгом, денег пока нет...

– Не можешь позволить?!... Пару месяцев... – глаза жены наполнились слезами. Она судорожно всхлипнула и, зажав рот рукой, выбежала из кухни. Через минуту из-за неплотно

прикрытой двери спальни донеслись явственные рыдания – горькие и, по всей видимости, совершенно безутешные. «Боже!» – Михаил схватился за голову.

–

Лида сидела за рулем новенькой мазды. Выражение лица у нее было, как будто ей только, что сообщили, что вся ее родня внезапно скончалась.

– Ну, что покупаем? – стараясь не смотреть на жену, спросил Михаил.

– О!...

Супруг сделал вид, что ничего не слышал.

– О! – повторила Лида громче.

– Тебе не нравится?

– О!...

– Лида!

– Я хотела... BMW.

Михаил холодно посмотрел на нее.

– Как у вас дела? Вы решились? – тоном лучшей подруги обратилась к Лиде, ослепительно улыбающаяся работница салона.

– BMW, – повторила Лида, обращаясь к мужу, но глядя на девушку – кому, как не ей выгодно подыграть и помочь клиентке. Она же работает за процент, вот пусть и постарается ради общего блага – ее и Лидинога.

– О! Прекрасный выбор! – радостно защелкала девушка. Михаил, с неприязнью покосился на еще одну любительницу окать. – У нас есть...

– Нет, – отрезал он.

– Как, нет?... – растерянно пробормотала Лида и с надеждой посмотрела на девушку менеджера. Она ведь должна уметь профессионально разрешать подобные проблемы. Если, вдруг, муж сошел с ума, и говорит жене – нет. Эта красивая, приветливо улыбающаяся девушка, должна найти способ повлиять и сделать так, что бы он сказал – да. Увы, девушка молчала. Она знала, что давить на клиента нельзя, а клиент явно муж. Деньги у него. Лучше пусть купит мазду, чем вообще ничего. Поняв, что помощи ждать неоткуда, Лида решила взять ситуацию в свои руки. – Девушка говорит, что у них есть BMW.

– У них есть. У меня нет. – Михаил посмотрел на жену с нескрываемым раздражением и даже со злостью. – У меня нет. Понимаешь? Нет денег на BMW.

Лида всхлипнула. Какой позор! Какое унижение! Мало того, что не хочет порадовать ее такой малостью, так еще устраивает выяснение отношений при совершенно постороннем человеке. Негодяй!

Проигнорировав всхлипывания и трагическое выражение лица жены, Михаил отчеканил:

– Ты сказала, что тебе нужна машина. Вот она, – он указал на мазду. – Или покупаем ее, или не покупаем никакую. И, кстати, BMW я не куплю ни через два месяца, ни через два года. Так, что решай.

Оплатив покупку, супруги отправились домой. Лида закрылась в комнате и весь день не выходила. Вечером Михаил заглянул к ней.

– Я уезжаю, – сообщил он. Лида округлила глаза.

– Куда? Ты, что оставишь меня одну?

– Ну, ты же и так целый день просидела одна, – холодно сказал он. – Я еду к Нестору.

Услышав имя, Лида скривилась как от зубной боли.

– Не понимаю, как вообще можно общаться с этим... с этим, – она поискала подходящее выражение, что бы охарактеризовать друга мужа, – с этим быдлом.

Михаил одарил ее ледяным взглядом.

– Он мой друг. Будь любезна, выбирать выражения.

Он вышел, хлопнув дверью. Вслед бессердечному, черствому чудовищу неслись рыдания. Но сегодня чудовище, превратившее жизнь несчастной женщины в настоящий ад, было не восприимчиво к ее страданиям. Порывав несколько минут и, услышав, как захлопнулась входная дверь, Лида вытерла слезы и уселась на кровати с задумчивым видом. Ситуация вышла из-под контроля. Муж, явно отбилась от рук. Нужно было срочно что-то предпринимать.

Глава 5

Привстав с дивана, Нестор замер в напряженной позе, с надеждой глядя на экран телевизора. Сердце в груди тоже замерло, как будто боясь спугнуть удачу и помешать игроку ведущему мяч к воротам противника. Все вокруг превратилось в ожидание, время остановилось. Вот, сейчас... Точно будет гол...

– Ну! Ну! Давай! Давай!!! – заорал он. Секунду спустя выражение надежды и ожидания на лице, сменилось разочарованием и злостью. – Ну как так, мать твою?! Ну что мяча не видишь, урод ты, кривоногий! Нужно быть таким п...м!

Плюхнувшись на диван, обманутый в ожиданиях болельщик, хлебнул пива из запотевшей бутылки и с недовольным видом покосился на экран – одно расстройство с этим футболом.

Позвонили в дверь.

– Да, иду, кому нейметя?! – гаркнул Нестор, все еще продолжая злиться и переживать. Распахнув дверь, Нестор расплылся в радостной улыбке.

– Мишаня! Здорово! – немного удивленный приятным, совершенно неожиданным сюрпризом, сказал он, разом забыв про футбол и не умеющих играть футболистов. С тех пор, как Мишка женился, они очень редко виделись. Оба много работали – Михаил, в бесконечных попытках удовлетворить запросы жены, Нестор, развивая собственную фирму. Лида, с первого знакомства ни Нестора, ни Димку не жаловала, а вернее сказать терпеть не могла, так что семейных посиделок тоже не устраивали. «Быдло, грубиян и деревенщина. И наглый пустомеля, похотливый бабник и придурак», – с неприязнью называла она их про себя, а порой и в разговоре с мужем. Чувство неприязни было взаимным. Друзья тоже Лиду не переваривали, считая ее настоящей сукой и ненасытной пиявкой. Правда, свое мнение, в отличие от Лиды, держали при себе. Чего из-за стервозной бабы дружбой рисковать. Мишка, в любом случае, как бы жена его не достала, как настоящий мужчина, встанет на ее сторону. Не стоит она их дружбы. И говорить о ней не стоит – бесполезно и ни к чему.

– Давай, проходи. Я тут футбол смотрю. Слезы, а не футбол. Уроды одни по полю бегают, по мячу попасть не могут.

Нестор махнул рукой. Он был ужасно рад видеть друга. Плевать даже на футбол.

– Вот не ожидал, что это ты! Может, нам оторваться сегодня, по такому случаю? Сейчас Димону позвоним. Зажжем, вспомним молодость. Ты как? – не особо надеясь, что Мишка согласится, предложил Нестор. К его удивлению друг выразил полное согласие. – Вот это дело! А то, как окольцевали тебя, так считай, все, пропал друг. И не видимся совсем. Ясно, семейная жизнь, заботы, как раньше уже не разгуляешься. Но иногда-то можно с друзьями посидеть, пообщаться.

На радостях Нестор был непривычно многословен, но Михаил, погруженный в собственные, довольно мрачные мысли и переживания, даже не заметил этого.

Приятель прошел в комнату. Нестор протянул Мишке бутылку пива. «Отсалютовав» друг другу они оба, с удовольствием сделали по большому глотку. Нестор убрал звук телевизора, чтобы не мешал разговору. На экране носились футболисты, но, на сегодня, Нестор потерял интерес к игре. Михаилу тоже было не до футбола, да он и не был никогда особо страстным болельщиком, как приятель. Михаил сидел сосредоточенно глядя на горлышко пивной бутылки. Казалось, что он пытается принять решение. Наконец он оторвался от созерцания бутылки.

– Нестор, я сегодня испытал желание убить свою жену, – с несколько удивленным, задумчивым и в то же время виноватым видом сказал Мишка. Нестору потребовалось сделать некоторое усилие, что бы не расхохотаться и не отпустить, рвавшийся с языка, комментарий, о том что не испытывать желания убить такую как Мишкина жена – себя не уважать. Лидка змея,

каких еще поискать, и актриса тоже еще та. Как сказал Димон после свадьбы Михаила и Лиды: «Мишка-то, каку гангрену за себя взял. Эта Лидка хуже карасину». Они потом долго хихикали по этому поводу, ну и, естественно, жалели, что друг повелся на наивные глаза и трогательную манеру поведения, которая их, не ослепленных чувством влюбленности, не ввела в заблуждение ни на одну минуту. «Ох, чует мое сердце, покажет она себя!» – мастерски подражая героине мультфильма «Волшебное кольцо», собачке Жуже, развлекался Димка.

– Чего так? – как можно более тактично поинтересовался Нестор. Хотя, особого интереса Мишкино признание у него не вызвало. Его больше удивляло, почему он испытал желание убить жену только сегодня. Сам бы он, на месте друга, придумал ее давным-давно, возможно еще до свадьбы.

– Она сводит меня с ума. Наверное, я просто ужасный человек. Возможно, и муж тоже ужасный. Не могу дать ей то, что ей нужно. Но я, сколько ни пытаюсь, не могу понять, почему так происходит? Что не так? Самое страшное, что мне постоянно кажется, что она, не переставая, прикладывает невероятные усилия, для того, чтобы отравить жизнь и свою, и мою. Зачем?

Михаил потер лицо руками и взъерошил светлые волосы. Нестор усмехнулся. Достала-таки «гангрена» даже спокойного, терпеливого Мишку. Прав был Димка.

– Да, не парься. В конце концов, разведись, если уж совсем немоготу.

Мишка ошарашенно, почти испуганно посмотрел на него.

– Да, ты, что?! Я ж люблю ее... Не смотря ни на что... Наверное, дело во мне, не могу ее понять...

Нестор пожал плечами. Понимать нечего. Она сука, пьющая из Мишки кровь, а он – дурак последний. Слеп и поглупел от любви.

– Семейные дела – это слишком сложно. Я, в них ничего не понимаю. Я навряд-ли и женюсь-то когда-нибудь. Мне кажется, женщина, постоянно находящаяся рядом, будет меня раздражать. Так, что не переживай, Мишаня. Мы с Димоном намного более ужасные люди. Мы такие эгоисты, которые и недели бы не продержались, живя той жизнью, какой живешь ты. – Нестор поднял свою бутылку. – За тебя, Мишаня. Ты – хороший человек. Не мое дело, конечно, но Лидка твоя, та еще дрянь.

Нестор твердо посмотрел в глаза другу. Раз сегодня вечер откровений, то он, наконец, скажет то, что думает. Пусть лучше Мишка обижается, но не дело, чтобы из-за этой стервы, он считал себя подлецом и нехорошим человеком. Но Мишка ничего не сказал и, вроде бы, не обиделся.

Они немного посидели, разговаривая, уже на отвлеченные темы. Нестор позвонил Димке и тот радостно поддержал идею зазечь. «Ждите! Куда вы без меня? Вы и веселиться-то не умеете по-человечески. Но не плачьте мои несведущие в жизненных удовольствиях друзья. Дима все организует. Научит вас убогих. Еду, недоумки!» – заржал он.

– Знаешь, когда все хорошо – семейная жизнь это приятно, – с легкой грустью сказал Мишка. Нестор скептически покосился на него.

– А когда все хорошо?

Мишка усмехнулся.

– Вот то-то, – многозначительно сказал Нестор, глотнув еще пива. Нет уж, ему такого «все хорошо», даром не нужно. Кольцо надел, пять минут все хорошо, а потом всю жизнь мучаешься и вспоминаешь, но ведь было же. Было. Целых пять минут было хорошо и прекрасно!

–

Ночь они провели в клубе. Зажгли не по-детски. Все трое напились, все трое отрывались по полной. Высоченный, светловолосый красавец Мишка имел бешеный успех у дам. Впрочем, и его друзья не остались обделенными вниманием со стороны прекрасного пола. Каждый ушел с «подружкой». Утром Михаил открыл глаза и увидел рядом с собой незнакомую девушку.

Обстановка вокруг, так же как и девушка была абсолютно незнакомой. «Вот черт! Какая же я скотина!» – испытывая по отношению к себе стыд, злость и почти что ненависть, подумал он.

– Ты куда? – сонно пробормотала девица. Мишка ничего не ответил. Молча оделся и ушел из чужой, незнакомой квартиры. Он даже имени той, с кем провел ночь, не знал или знал, но забыл. Ему казалось, что он пал так низко, насколько только это вообще возможно. Домой он вернулся к полудню. Лида лежала посреди кухни на полу. Рядом валялась упаковка от таблеток. В первую секунду он застыл. Ему казалось, что сейчас его сердце разорвется. «Это я! Я! Я! Я убил ее!» – проклиная себя, мысленно повторял он. Он хотел ее убить вчера из-за гребаной машины. И вот она умерла! Это его вина. Это он довел ее. Скот! Мерзавец! Негодяй! Сотрясаясь от рыданий, он опустился рядом с ней на колени.

– Аааа! – страшно заорал он, желая только одного – тоже умереть. Лида тихо застонала и слегка пошевелилась. Мишка замер, боясь поверить, боясь, что ему только показалось. «Боже! Прощу!» Лида снова застонала.

–

– Успокойтесь. Успокойтесь, – пытался воззвать врач к благоразумию сходящего с ума от чувства вины и тревоги мужа. – Уверяю Вас, никакой опасности нет. Меня вообще удивляет, что Ваша жена лишилась сознания от обычного аспирина, тем более выпила, судя по всему, всего пять-шесть таблеток, не больше. Возможно, у нее непереносимость одного из компонентов. Такое бывает, иногда. У нее есть аллергия на что-нибудь?

Мишка помотал головой. Доктор не понимает.

– Это я, это я доктор, во всем виноват я! Это она из-за меня! Я тварь! Сволочь! – мечась, как тигр в клетке повторял Мишка. Врач сделал медсестре знак – нужно сделать успокоительный укол. В данном случае, муж пострадал намного серьезнее жены. Перенес сильнейший нервный стресс.

Лида провела в больнице два дня. Выглядела она хорошо. На Михаила смотрела холодно, при его появлении отворачивалась. Все его клятвы, просьбы о прощении, как будто оставались ею не услышанными. На третий день ее выписали. Миша привез ее домой. Напротив подъезда стояла новенькая BMW.

– Боже! – выпорхнув из машины мужа, Лида понеслась к своей.

–

– Ты меня простила? – с несчастным видом спросил Михаил вечером. Вид у него был совсем больной – под глазами круги. Глаза покраснели. Он весь, как-то осунулся. Лида улыбнулась.

– Ну конечно, глупый!

Эту ночь они провели вместе. «Как я мог?!» – сжимая в объятиях, уснувшую жену, ужасался Михаил.

Следующие пару лет ему предстояло снова работать почти в круглосуточном режиме – кредит за новенький BMW, это не люстра, и не новый шкаф. Но он не думал об этом. Главное, все обошлось. И женщина, которую он любит, простила его и выглядит счастливой, улыбается и снова смотрит на него с нежностью. По сравнению с этим, все остальное пустяки, не имеющие значения. «Я самый счастливый человек, хотя, как оказалось, совершенно не достоин этого...» Он вздохнул. Он постарается искупить вину, все для этого сделает. В глубине души он чувствовал себя предателем. И это чувство, разъедало его, как отраву, не давало забыть о том, что произошло. О том, какой он негодяй, подлец и предатель...

Глава 6

Сентябрь 2006г. Москва

– Вот, смотри, не дворец, но если тебе нужно просто помещение, где можно хранить документы и печатать на компьютере, мне кажется, вполне подойдет, – с мягким восточным акцентом сказал Фарик.

Помещение напоминало большую коробку, в одной из стенок которой прорезали окно, а в другой дверь. Бежевые стены, подвесной потолок, кажущийся в тусклом свете, пробивающегося через окно, пасмурного осеннего дня, скорее серым, а не белым. В углу комнаты старый офисный шкаф с полками, пошарпанный и облезлый, рядом примостился не менее старый и потрепанный стул. Больше мебели в комнате не было. В противоположном углу, на полу был свален какой-то хлам. Коробки, свертки упаковочной бумаги, пустые пачки из-под сигарет, электрический чайник с отломанной крышкой. Общее впечатление было весьма унылым.

– Могу прислать кого-нибудь вынести это барахло, – кивнув на мусор, предложил Фарик, с некоторым сомнением. «Кто-нибудь» разноется, что нужно бы заплатить за вынос мусора. Проще самому убраться, тут не так уж много.

– Да, нет, спасибо, сам справлюсь! Все – супер! – улыбнулся Михаил, пожимая руку владельца склада, которому пару лет назад помог разрешить кое-какие юридические проблемы, с одним из не вполне законных дел, которыми тот занимался. Время от времени, Михаил брался за подобную работу, что бы заработать побольше. Не криминал, но на грани.

Утонченное восточное лицо расплылось в улыбке. Хлопнув Михаила по плечу, Фарик мягкой, кошачьей походкой направился к выходу. Дорогой костюм, шикарные ботинки и изысканные манеры несколько странно смотрелись на фоне обшарпанных темных стен неуютного помещения склада, наводящего на мысли о казенных заведениях строгого режима. Михаил был уверен, что Фарик, замешан и в делах куда менее невинных, чем то, с которым ему помог разобраться он. Но ему не было дела до темных, скрытых от посторонних глаз, сторон жизни Фарика. Как арендодатель он его вполне устраивал, а все остальное его не касалось.

– Будут проблемы, заходи, – крикнул утонченный, заподозренный в причастности к криминалу Фарик, дойдя почти до выхода.

– Спасибо, Фарид! – кивнув головой, ответил Мишка.

– Хорошему человеку грех не помочь, – ослепительно улыбнувшись, Фарик скрылся за дверью.

Михаил еще раз обвел взглядом помещение, в котором теперь ему предстояло проводить большую часть своего времени. По крайней мере, времени посвященного работе. Ничего, навести порядок, повесить пару светильников помощнее, и получится вполне приличный рабочий кабинет. Хороший офис ему был, в общем-то, не нужен. С клиентами он встречался «на нейтральной территории» – в ресторанах, кафе или, если таково было их желание, у них дома или в их офисах. Ему нужно было место для хранения бумаг и рабочий стол. И еще тишина. Место есть. Стол и кое-какую мебель он уже заказал. Сегодня должны привезти. А с тишиной здесь точно проблем нет. Ни с одной стороны не доносилось ни звука. Как будто он вообще один во всем трехэтажном здании склада.

– Ну, что ж Михаил Алексеевич, Ваши новые, шикарные апартаменты, – пробормотал юрист и улыбнулся, представив лицо человека, который случайно заглянул бы сейчас в комнату, и услышал, как он разговаривает сам с собой.

–

Два года назад Мишка завел с Лидой разговор о том, что пора бы им подумать и о продолжении рода, обзавестись ребенком. Лида сразу расставила точки над и. В такой тесноте, в крошечной двухкомнатной квартире, в которой они проживают, и речи о ребенке быть не

может. Алексей понял, что если он намерен стать отцом, то придется «расширяться». Настал тот момент, которого он так страшился – приобретение новой квартиры. Но, ради ребенка он был готов. В чем-то жена права. Ребенку нужен простор. Конечно он и все его поколение, да и ее, да и, что там, многие и многие поколения до них, рождались, росли и вполне нормально вырастали и в маленьких квартирках, деревенских домах без удобств, в комнатах в коммунальках, в бараках и вообще бог знает в каких условиях. Но, естественно, в любом случае ребенку будет лучше в просторной квартире, где есть место и побегать, и поиграть. Что ж, Михаил был готов на все. Будет работать день и ночь, а ради малыша купит большую хорошую квартиру.

–

Лида прошлась по просторной комнате, заглянула во вполне приличную по размеру «темную комнатку» – отличное место для гардеробной. Подойдя к окну, она посмотрела на открывающийся вид. Вид, конечно, так себе – дома, дорога, страшненькое здание магазина с пестрыми вывесками, но это не важно. Вид это так, она же не в окно смотреть собирается. Лида постучала каблучком по бетонному полу. В этой комнате будет гостиная. Сюда нужно положить натуральный паркет. Что-то из ценных пород дерева. Мишка, конечно, начнет упираться. Опять заведет свою вечную песню, про деньги. Лида вздохнула. Как все сложно, как она устала! Почему муж постоянно пытается все испортить? Ведь все равно сделает по ее, но сначала ему нужно, обязательно помотать ей нервы, поныть, заставить ее подергаться. Почему нельзя сразу сказать – да, и не осложнять жизнь им обоим? Ужасный человек!

В соседней комнате будет, что-то типа кинозала. Лида видела в одном журнале – смотрится шикарно! Она прямо дожидаться не может, когда усядется на мягкий диван обтянутый малиновым бархатом, с наваленным на нем множеством подушек в восточном стиле и элегантным движением включит пультом огромный экран домашнего кинотеатра на стене. А из колонок, укрепленных под потолком, полетит стереозвук, как в настоящем кинозале. Лида улыбнулась. Как приятно мечтать, а потом воплощать мечты в реальность! В дальней комнате, по размеру чуть меньше гостиной будет ее спальня, в бежево золотистых тонах – изысканная сдержанность. Лида даже зажмурилась от удовольствия. А в самой маленькой комнате? Да, точно! Лида криво усмехнулась. Про мужа-то она и забыла! Ха-ха-ха! Смех, да и только! В новой квартире он вряд ли согласится ночевать в гостиной, капризничать начнет. Ну, пусть маленькая комната будет его. Так уж и быть, всегда приходится чем-то жертвовать.

– Ну, что? – спросил Михаил, закончивший разговор с риэлтором.

– Мне кажется, вполне, – пожала плечами Лида, не выказывая излишнего восторга. Нечего мужа баловать – расслабится, возомнит себя благодетелем. Квартиру больше и лучше этой, он точно не купит. Деньги, черт бы их побрал! Нужно соглашаться на эту. Четыре просторные комнаты, два санузла, три лоджии и огромная кухня – это не двушка. Да и район престижный – она настояла. Нечего среди всякой пьяни и нищеты жить. – Думаю – подойдет. Нормальная.

Михаил улыбнулся.

– Уже придумала, где что будет?

– Ну, да... Здесь – гостиная, там – кинозал.

Брови мужа удивленно приподнялись. Кинозал!

– Ну, комната, где можно отдохнуть, кино посмотреть, почитать, – объяснила Лида.

Михаил пожал плечами – как скажешь. Кинозал, так кинозал.

– Дальше спальня.

– Подожди, последняя комната самая маленькая. Не думаю, что это удачная мысль, сделать детскую в самой маленькой комнатке. Уж если есть возможность, пусть у ребенка будет простор. В конце концов, это вообще все ради него, – Михаил сделал широкий жест рукой. – Можно кинозал устроить в маленькой комнате. Мы же не будем устраивать массовые просмотры, чтобы заработать на продаже билетов. Правда? – засмеялся он. Лида поджала губы

и покосилась на мужа. Черт! Про ребенка-то она и забыла! Ведь Мишка и вправду вообще согласился на покупку квартиры только из-за ребенка. Из-за того, что она сказала, про тесноту и нежелание рожать в ней ребенка. Господи, ну сколько хлопот доставляет ей ее муж! То одно, то другое. Теперь, вот, с ребенком с этим придумал. Не может человек просто жить и дать жить ей, спокойно, без нервотрепки, без волнений и ненужных переживаний.

– Ты прав, я не подумала, как-то, – улыбнулась Лида. Ладно уж, пусть домашний кинотеатр будет в последней комнате, так и быть. Повезло Мишке – ему тоже досталась просторная комната. Ведь в предполагаемой детской предстоит жить ему. Лида чуть не хихикнула, подумав о том какой лопух ее муженек.

Спустя полгода, по окончании ремонта нового семейного гнезда, Миша и Лида переехали. Михаил взял кредит на покупку квартиры, на ремонт и, зная жену, на обстановку. О размере долга, он старался даже не думать. Новую квартиру обставили, почти полностью, новой мебелью. Михаил ничего не говорил. Он мечтал о сыне или дочери и готов был на все, лишь бы стать отцом. Пока подвижек в этом стремлении, правда, не было. Лида занималась обустройством. Михаил пахал день и ночь. Нужно было выплачивать кредит, покупать все новые и новые вещи – мебель, люстры ковры и всякую дребедень, совершенно необходимую, по мнению жены, для создания атмосферы уюта, комфорта и счастливой жизни в принципе. Естественно, старая дребедень, из прежней квартиры, которой имелось с избытком, для нового жилья категорически не годилась. Когда он вновь поднимал вопрос деторождения, Лида удивленно смотрела на него как на неразумного, плохо соображающего человека и с некоторым раздражением говорила: «Миша, ты же понимаешь, что сначала нужно закончить с обустройством квартиры. Да и глупо и безответственно рожать ребенка, пока на тебе висит долг. Мало ли, что... Расплатишься, и сразу займемся этим вопросом». Вначале Михаил пытался объяснить, что кредит он взял с рассрочкой на шесть лет. Это очень долгий срок и, неужели, жена собирается целых шесть лет ждать? Но постепенно до него дошло, что его слова уходят в пустоту. Жена не собирается менять решения. Ее срок в шесть лет не пугает. Она не спешит. И у него даже начало закрадываться подозрение, постепенно все более и более переходящее в уверенность, что и через шесть лет Лида найдет какую-нибудь новую отговорку. Возможно, ему вообще не грозит стать отцом. Мысли были неприятными, наводили на размышления, а для чего тогда все?

Но мысли мыслями, а новая денежная кабала вконец измотала его. Михаилу казалось, что он задыхается. Что он постоянно барахтается в воде, даже не в воде, а в вязком болоте. Захлебывается, стремится сделать глоток воздуха, а как только выныривает на поверхность и делает живительный вдох, его сразу снова окунают в темную жижу и так без конца. Дошло до того, что он стал экономить на всем чем можно. Вот, теперь пришлось отказаться от прежнего офиса и перебраться на склад. Фарик, по-приятельски, по старой памяти, сдал ему помещение, с чисто символической арендной платой. «Во что превратилась моя жизнь?» – с грустью подумал Михаил. Но жалеть себя, занятие не достойное мужчины, да и времени на сожаления не было. Нужно работать, как всегда. Зарабатывать и раздавать долги. Он энергично принялся за уборку помещения. Бог с ним. Сегодняшний день он потратит на обустройство, а с завтрашнего дня возьмется за дело. Выбора-то у него все равно нет. Нужно поднажать.

–

Настя опустила кисть в растворитель. Вытерев руки, она отошла подальше и посмотрела на результаты своего труда. Получилось нормально. Следов «вмешательства» не было заметно. Настя села в кресло и придвинула кружку с остывшим кофе. Слава богу, закончила. Бывали такие заказы, которые надоедали ей до чертиков. Особенно если вещь, которую отдавали на реставрацию ей самой, в принципе, не нравилась. Эта картина была именно такой. Насте она сразу показалась ужасно скучной, наводящей тоску и хотелось предложить заказчику не реставрировать ее, а просто заменить. Купить, что-то жизнерадостное, что-то, что будет приятно

глазу. Но, ее дело восстанавливать утратившие прежний вид вещи, а не выступать в роли художественного критика. Настя провозилась со скучной картиной три дня. И сейчас была просто счастлива, что наконец-то они расстанутся. Картина вернется к владельцу, а она получит оговоренную сумму и займется следующим заказом – намного более интересным. Накануне ей привезли старинное бюро и зеркало в великолепной резной деревянной раме. И то, и другое нужно привести в хорошее состояние, при этом, сохранив «налет времени». Старые вещи тем и хороши, что несут в себе историю прошедшего времени. Большинство вещей-долгожителей, за время существования неоднократно меняют и хозяев, и места «обитания». Они, если уметь правильно взглянуть и «прислушаться», могут многое о себе рассказать. И о людях, с которыми они были связаны. И о пережитых событиях. О целой эпохе. Довоенные вещи, к примеру, могут рассказать и о тех временах, когда послереволюционная Россия кипела и бурлила, приходя в себя после первой мировой и волнений, беспорядков и хаоса, вызванного революционными событиями, а затем и очередной, междоусобной гражданской войной. О том времени, когда молодая страна советов, едва отойдя от революции и войн, начинала свой, так и не окончившийся путь к светлому коммунистическому будущему. Комсомолки в красных косынках ходили по улицам бодрым шагом, с горящими глазами, радостно улыбающиеся, с твердой верой в правильность происходящего, преданные делу комсомола, коммунистической партии и заветам Великого Ленина. Мужчины в военных галифе и начищенных до блеска хромовых сапогах, разгуливали, в свободное от службы и общественно-политических мероприятий время, под ручку с женщинами, одетыми в легкие платья, с аккуратно уложенными в хитроумные прически волосами, поверх которых красовались маленькие шляпки. А в воздухе пахло и новой, еще более страшной, надвигающейся войной, и репрессиями и лагерями, и грандиозными стройками всесоюзного масштаба, типа БАМа и Беломорканала.

Настя была уверена, что вещи, даже если и не наделены способностью говорить словами, могут пробудить воображение и заставить видеть картины прошлого, вполне ярко и реально. Пусть, что-то мы и нафантазируем, и добавим от себя. Но дух той или иной эпохи, атмосферу, они умеют передавать прекрасно. Потому, что они непосредственные очевидцы и даже участники. И, в отличие от людей, они не имеют склонности преувеличивать или наоборот преуменьшать, скрывать или искажать факты. Чем старше вещь, тем больше воспоминаний она хранит. Тем больше событий запечатлено в ее «памяти». Светлых, радостных. Трагических. Курьезных. Тайны милые и безобидные, или напротив темные и даже страшные. Эпохальные события, повлиявшие на ход истории, изменившие судьбы миллионов людей...

Размышления об особенностях старых вещей и приятных моментах в работе реставратора, дающих пищу безграничному воображению, были прерваны диким грохотом и чьим-то не менее диким матерным воплем, за соседней стеной. В наступившей после этого тишине, Насте показалось, что она услышала слабый стон. Может, кто-то пострадал? Кто его знает, что там рухнуло в соседней комнате. Сегодня целый день что-то шуршало, громыхало. Наверное, кто-то арендовал помещение за стеной. Поднявшись из кресла, Настя отправилась на помощь, кому бы там ни было, находящемуся по соседству, искренне надеясь не обнаружить бездыханное тело, раздавленное тем, что обрушилось с таким шумом. Если же все в порядке и помощь не нужна, ничего страшного. Здорового любопытства, еще никто не отменял – она посмотрит, кто будет ее соседом, соседкой или соседями, почему нет?

—

Комната была заставлена картонными коробками. Они стояли на полу, на, совсем новеньком письменном столе, с которого еще не успели даже снять защитную полиэтиленовую пленку, на подоконнике. Дальняя часть комнаты представляла собой мини свалку из валяющихся на полу папок, вылетевших из них бумаг, книг и обломков, того, что до этого, вероятно, было шкафом. Посреди всего этого разгрома, с недоуменным выражением на лице стоял высокий симпатичный блондин. В одной руке он держал полку от развалившегося шкафа, в другой

одну из папок. Вид у него был немного глуповатый и забавный. Услышав шаги, он обернулся и, взглянув на Настю, широко улыбнулся. Улыбка у «устроителя погрома и хаоса» была необычайно обаятельная. И глаза голубые, как яркое летнее небо, излучали добродушие и веселье. Настя улыбнулась в ответ крайне симпатичному незнакомцу.

– Шкаф, зараза, развалился, – немного смущенно сказал он и засмеялся.

– Рада, что с Вами все в порядке, – Настя тоже рассмеялась. – По крайней мере, Вы живы. Был такой грохот, что я думала, тут и стены, и пол, и потолок рухнули.

Он бросил полку и папку в общую кучу на полу и направился к ней.

– Михаил, – продолжая весело улыбаться, представился он и протянул большую, широкую ладонь.

– Настя. Я Ваша соседка. Очень приятно. – Она показала на заляпанный краской, растворителем и бог знает, чем еще комбинезон. – Не обращайтесь внимания, я не местная бездомная. Я – реставратор.

– Здорово! А я, в отличие от Вас, занимаюсь занудной, скучной бумажной работой. Я – юрист.

– Отлично! Как раз юрист иногда бывает крайне необходим, – улыбнулась она. – Порой такие заказчики попадаются, что жизни не рада становишься. А тут раз, все документально оформили и никаких лишних вопросов и претензий.

– Всегда рад помочь, – не в силах оторвать взгляд от ее лица, засмеялся Михаил.

– Давайте я Вам помогу тут убраться, – Настя обвела рукой заваленную бумагами комнату. – Я как раз только, что закончила свою работу. Вы со шкафом вовремя рухнули.

Они оба расхохотались.

Михаил, скорее ради приличия, немного поотказывался от предложенной помощи. Но, на самом деле, помощь действительно была нелишней, один он до ночи провозится. И еще ему не хотелось, что бы она уходила. Это было глупо. Он видел ее первый раз в жизни, но в ней было, что-то удивительно притягательное. По крайней мере, ему она казалась удивительно притягательной. Он почувствовал, что впервые за последние несколько лет, ему хорошо и легко. Новая знакомая напоминала ему весеннее солнышко. Так же, как и оно, соседка Настя, казалось, излучала и дарила мягкое, живительное тепло, радость и светлую надежду.

–

– Ну, вот, все оказалось не так страшно, – улыбнулась Настя, когда они закончили. Все бумаги были собраны. Папки сложены у стены. Обломки шкафа Михаил вынес в коридор.

– Спасибо, без Вас я бы, наверное, до завтра провозился, – совершенно искренне поблагодарил он.

– Да, не за что. Если у меня в мастерской, что-нибудь рухнет, Вы тоже можете мне помочь, – засмеялась она. «Я бы даже не возражал, если бы прямо сейчас что-нибудь рухнуло», – подумал он и едва не расхохотался от глупых мыслей, лезущих в голову.

– Я Ваш должник, – он посмотрел на нее. Была, не была! – Настя, может быть, после работы зайдем куда-нибудь перекусить? Я, если честно, со всеми этими перекладываниями бумажек, страшно проголодался. Заодно, выразил бы Вам свою благодарность.

– К сожалению, не получится. После того как заканчивается рабочий день реставратора, начинается вторая рабочая смена – мамы двух несносных детей, – она говорила совершенно естественно, без жеманства или каких-то глупых уловок, которые, порой, любят использовать женщины, набивая цену или стараясь повысить интерес к себе.

– Дети – это здорово, – улыбнулся он.

– Подозреваю, что вы ими еще не обзавелись, раз говорите такое, – рассмеялась Настя.

– Пока нет, – покачал он головой. – Ну, раз не получится, может как-нибудь в другой раз. Должен же я Вас отблагодарить за то, что вы так самоотверженно пришли мне на помощь.

– Договорились, как-нибудь. До встречи, – она помахала рукой и пошла к себе.

– До встречи, – глядя вслед фигурке в рабочем комбинезоне, заляпанном краской, про-
бормотал Михаил. Он чувствовал, что просто не в силах перестать улыбаться. И это было очень
приятное, почти совершенно забытое состояние.

Глава 7

Отперев «офис» и бросив портфель на стол, он осторожно подошел к соседней двери. Было слишком рано. Мастерская была закрыта. Постояв немного перед запертой дверью, Михаил отправился к себе, заканчивать с благоустройством рабочего пространства. Нужно было начинать работать – время деньги. Нечего прохлаждаться посреди пустого коридора, в ожидании прекрасной соседки.

Полночи он не мог уснуть. Вспоминал глаза, улыбку, смех, голос, совершенно посторонней, можно сказать, совсем незнакомой ему женщины. «Как полоумный школьник». Брак выжал из него все соки, он почти забыл, что можно радоваться, просто так, чьему-то взгляду, улыбке, не задумываясь о проблемах, обо всех трудностях, навалившихся и почти придавивших к земле, превративших существование в нескончаемую борьбу, стресс, раздражение и разочарование. Он не собирался закрутить роман. Он даже и не думал об этом. Его окрылял сам факт, что ему встретилась женщина, которая ему понравилась, и она была веселой, доброжелательной, милой и приятной. Очевидно, ей не требовалось создавать вокруг себя «мир мечты», в попытке приблизиться к иллюзорному счастью. Возможно, она и не была вполне счастлива. Он не знал. Но она совершенно точно не была несчастна. У нее глаза светились внутренним светом, она задорно смеялась. Она не производила впечатления человека, считающего себя обделенным жизнью.

Все утро Михаил возился с документами, стараясь не думать о женщине, находящейся за соседней стеной. В половине первого он не выдержал и решил, что сейчас самое подходящее время для обеда, и вполне уместно будет пойти и пригласить Настю на этот самый обед. Они же вчера почти договорились, так, что ничего удивительного или подозрительного в подобном предложении не будет. Заставляя себя идти, а не бежать, как потерявший голову влюбленный юнец, он вновь отправился в сторону мастерской.

– Привет! – Михаил с интересом заглянул внутрь. Банки, коробки, рулоны обоев, ткани, бумаги. Куча разнообразных инструментов, развешанных по стенам и разложенных на стеллажах. Кисти, книги, журналы. Даже софиты и какие-то странного вида, неизвестные ему приборы. Пара мольбертов. Творческая атмосфера, во всем ее многообразии. У одной из стен картина. Чуть дальше красивое старинное бюро, какие часто показывают в фильмах. Хозяйка мастерской склонилась над большим зеркалом в очень красивой резной раме, лежащим перед ней на рабочем столе необъятных размеров. – Можно?

– Конечно, заходите! Привет! Только осторожней, не испачкайтесь. Тут нужна спецодежда, с непривычки, можно влезть куда-нибудь, – улыбнулась она.

– Пришел позвать Вас на обед.

Она посмотрела на него, и как ему показалось, немного грустно сказала:

– Михаил, мне даже неудобно. Получается, как будто я ищу предлог, чтобы не идти. Но поверьте, я бы с удовольствием. Правда. Но нужно срочно закончить, – она показала на зеркало. Заказчик позвонил и слезно просил, доделать все к завтрашнему дню. Так, что я никак не могу. Придется опять перенести. Но я исправлюсь, обещаю, – смеясь, сказала она.

– Тогда, теперь Вы должны два раза со мной пообедать, – улыбнулся Михаил.

– С удовольствием. Мне, правда, жаль. А Вам приятного аппетита, съешьте там, что-нибудь за меня.

Он вышел из мастерской. Жаль, что она не может поехать. Но, с другой стороны, Она же не отказала. У него тоже бывают неотложные дела. Он прекрасно понимает.

Неожиданно в голову пришла идея. Блестящая! Раз она не может поехать поесть с ним, значит, он закажет еду сюда. Уж пятнадцать минут-то у нее точно найдется. Единственная

трудность – он не знает, что она любит. Ну да не страшно. Он закажет разной еды. Уж, что-то ей точно должно понравиться.

–

– К трудящимся, не покладая рук реставраторам, прибыл, для поддержания сил и боевого настроения, обед. – широко улыбаясь, в мастерскую вошел Михаил нагруженный пакетами и коробкой с пищей.

– О боже! – радостно вскрикнула Настя и даже подпрыгнула. Он засмеялся.

– Только, я не знал, что Вы любите. Есть суши, салаты, китайская лапша, пицца и пироги. Она засмеялась.

– Стыдно признаться, но я люблю все. Я страшная обжора.

– Не может быть, – захохотал Михаил, оглядывая стройную фигуру, сделавшей откровенное, смелое признание соседки.

– Мне просто повезло. Вероятно, быстрый обмен веществ. Это наследственное. У меня в семье все худые, – глаза у нее озорно блеснули. – Но самая прожорливая из всех – я.

Настя достала из шкафа чистый рабочий халат.

– По технике безопасности, у меня в мастерской можно находиться и, тем более есть только в спецодежде, – улыбнулась она. Михаил хотел отказаться, ничего такого уж страшного он вокруг не видел.

– Вы даже не заметите, как сядете на какие-нибудь брызги краски или пятно растворителя – и прощай брюки или рубашка, а если сильно повезет – и то, и другое. Поверьте, тому, кто перепортил кучу одежды, – кивнула она, протягивая ему халат.

Они страшно объелись. Половина еды осталась, и было решено убрать ее в холодильник – на завтра. Несмотря на намерение быстренько поесть и заняться работой, они просидели не меньше часа. Болтали о всякой ерунде, выпили кофе. Михаил мог бы так и сидеть. Ему совершенно не хотелось уходить. Но, во-первых, он боялся, что будет мешать, во-вторых, ему и самому нужно было работать, он уже и так выбился из графика. Банку наплевать, что у него ужасно симпатичная соседка, с которой ему приятно находиться рядом и совсем не хочется расставаться, что бы заняться работой и заработать денег. Ну и, в третьих, он не хотел быть слишком навязчивым. Еще подумает, что он пристал и теперь не отвяжется. Но с другой стороны, что-то очень приятное хорошо разделять на небольшие порции. Так здорово ждать встречи, чувствовать, как сердце начинает биться сильнее, как внутри разгорается огонек, отогревающий душу. Пусть это глупо, пусть неразумно. Но он был рад чувству охватившему его. Казалось, что он парит, летает над землей.

Простившись с Настей, Михаил отправился к себе, надеясь, что ему удастся сосредоточиться на работе.

Глава 8

Ноябрь 2006г. Москва

Лида поковыряла запеканку. Гадость! Готовить она не любила. Просто терпеть не могла. Но разогретая в микроволновке «готовая» запеканка явно оставляла желать лучшего. Она посмотрела на мужа. Михаил с бесстрастным лицом поглощал невкусный завтрак. Он вообще был непривередлив в еде. Вид у него был задумчивый, отрешенный. Он как будто мысленно пребывал в другом месте. Лиде было, в общем-то, наплевать, но муж, в последнее время был какой-то странный. Не лез к ней с желанием пообщаться, как раньше. Не делал попыток склонить ее заняться любовью. Хорошо, конечно. Но странно. И самое главное у него как-то изменился взгляд. Лида никак не могла понять, что именно изменилось, но то, что взгляд стал другим, совершенно отчетливо бросалось в глаза.

– Что там у тебя с работой? – без особого интереса спросила она. Он пожал плечами.

– Все нормально, все как обычно.

Он доел мерзкую запеканку, допил кофе и поднялся из-за стола.

– Я побежал.

Она посмотрела на широкую спину. Что же не так?

Ребенок! Он ни разу, за последние два месяца не заговорил о ребенке! Раньше постоянно талдычил на эту тему, выводил ее из себя. А сейчас, как будто даже забыл.

Лида подошла к окну. Михаил уже успел спуститься на улицу и сейчас садился в машину. Лида вспомнила отрешенное лицо и отсутствующий взгляд. У него счастливые глаза! Он как будто радуется чему-то. «Может, завел себе любовницу?» Лида посмотрела, как отъезжает машина мужа. Возможно, что у него кто-то появился. Мужчинам вечно не терпится пристроить свое хозяйство куда-нибудь. Не здесь, так там. Примитивные, озабоченные создания. Черт с ним, конечно. Пусть спит с кем угодно, ей плевать. Главное, чтобы крышу не снесло. А то еще надумает развестись. Но, нет. Он не посмеет. Он же сверхблагородный. Лида ухмыльнулась.

А вообще, он все строит из себя несчастного, а на самом деле он же всем обязан ей. Без нее он – пустое место. Ноль. Если бы не ее настойчивость, если бы она постоянно не толкала и не тормозила его, он бы и по сей день занимался составлением копеечных договоров и всякой другой ерунды. И жил бы в нищете и убожестве. Неблагодарный! Ноги ей должен целовать. Она из него человека сделала, а он только охает и ахает, что денег нет, и что он не может себе позволить то одно, то другое. Эгоист. Самый настоящий эгоист. Лида вздохнула.

Она постоянно вынуждена стоять с протянутой рукой. Выпрашивать. Что за человек?! Всегда думает только о себе. Вечно чего-то хочет. То ему нужна была любовь, то ребенок. Лида отвернулась от окна. Как тяжело ей все дается в жизни. Жаль, что в России нельзя, как за границей, заставить мужа платить жене алименты. Она бы сегодня же подала на развод. Он ей всю жизнь отравил, пусть бы и расплачивался. Но почему-то закон не считает нужным отстаивать интересы несчастных жен. Мужья ими пользуются, мучают своими капризами, портят нервы, и всю жизнь в целом, а в результате, жена не имеет права получить то, чего заслуживает. Лида почувствовала себя ужасно несчастной.

–

С момента их встречи жизнь окрасилась новыми, необычайно яркими красками. Уже два месяца Михаил каждый раз ехал на работу, сгорая от нетерпения, пребывая в ожидании новой встречи. Когда она была рядом, ему казалось, что все вокруг наполняет волшебный свет. Он не замечал мрачных стен складских помещений. Не замечал убогой обстановки. Он видел только ее.

Уже недели через две после знакомства, он честно признался самому себе, что влюбился. По уши. Он не строил планов, не рисовал картин совместного будущего. Он просто радовался

возникшему чувству, каждой новой встрече. Он не надеялся ни на что и ничего не ждал. Для него было достаточно того, что она есть. Что он ее встретил, что может видеть ее, разговаривать, улыбаться, смеяться вместе с ней.

Он даже не знал замужем ли она или разведена. Настя ни разу не говорила о муже. Только о детях. А он не спрашивал. Они успели подружиться, и в конце дня, если не было срочных дел, ходили друг к другу «в гости», посидеть и поболтать. После работы он подвозил ее до метро. Если время позволяло, довозил до дома. Она жила далеко, но ему нравилось ехать с ней в машине. Разговаривать, смеяться. Потом он обычно возвращался на работу и сидел с бумагами до поздней ночи, заставляя себя не думать о ней, но все равно думал и улыбался, испытывая радость, вспоминая ее улыбку, звук голоса, глаза.

–

– Привет, – держа в руках две кружки с кофе, Настя вошла в комнату и, поставив одну из кружек перед ним, села на подлокотник небольшого кожаного диванчика, который Михаил купил, можно сказать, ради нее, чтобы ей было удобно сидеть, когда она приходит к нему «в гости».

– Привет! Ты моя благодетельница, – улыбнулся он.

– Заметь, не бескорыстная, – засмеялась она. – У меня к тебе просьба.

– Чем смогу помочь, – он внимательно посмотрел на нее. На маленьком носике и вокруг него рассыпались веснушки, светло-каштановые волосы с медовым отливом, почти рыжие, как будто их освещает солнечный свет, были высоко забраны в хвост, чтобы не мешались во время работы. Широко расставленные серо-зеленые глаза с золотисто-коричневыми крапинками излучают свет. Ему очень захотелось дотронуться до ее лица, погладить нежную кожу щеки, потрогать кончиками пальцев маленькие веснушки.

– У меня есть сосед, молодой парень, он инвалид. Работает со студиями звукозаписи, что-то там монтирует для них. У него возникли проблемы с одной из студий, они его на деньги кинули. Нужна юридическая помощь. Я сказала, что знаю отличного юриста, – она снова засмеялась, звонко и радостно.

– Надеюсь, ты говорила про меня? Потому, что отличный юрист – это определение, напрямую относящееся ко мне, – улыбнулся он.

– Хотя ты единственный юрист, с которым я знакома лично, но уверена, что ты самый лучший.

– Это правда, – рассмеялся он. – С другими можешь даже не знакомиться, лучше все равно не найдешь.

– Ты не мог бы в ближайшее время заехать ко мне и поговорить с ним? Посмотреть контракт. Он очень хороший парень. Не может ходить после какого-то несчастного случая, не хотелось бы, что бы его надули недобросовестные работодатели. Мне, конечно, не совсем удобно просить тебя тащиться в такую даль. Но, хоть он и водит машину, здесь у нас, сам понимаешь, место не слишком подходящее для человека, передвигающегося на коляске. Даже в здание заехать будет проблема. Не с погрузочного же пандуса. Он, естественно, заплатит.

Михаил заставил себя отвести взгляд от ее лица. Он был готов бесплатно помочь соседу инвалиду, даже чисто по-человечески. Но ради того, что бы провести целый вечер вместе с ней, он готов помочь всем ее соседям, не то, что парню, который прикован к инвалидному креслу.

– Ну, думаю, что сегодня же и попробуем решить проблему, – стараясь, что бы голос звучал ровно, как обычно, сказал он. Она одарила его ослепительной радостной улыбкой.

– Я знала, что ты не только отличный юрист, но и вообще самый замечательный. Заодно, познакомишься с моими детишками. Они уже тебя заочно обожают.

– Ты им обо мне рассказывала? – он ощутил необъяснимую радость при мысли, что она вспоминает о нем и говорит даже, когда его нет рядом.

– Конечно. Я рассказала, что на работе у меня замечательный, чудесный сосед. К тому же он еще и отличный юрист. Правда эта информация не произвела на детей особого впечатления. Она расхохоталась.

–

Обманутый студией звукозаписи сосед оказался и правда, очень приятным, обаятельным парнем. Михаил просмотрел контракт и пообещал через пару дней подготовить все, что бы «прижать» бессовестных нанимателей, самым наглым образом пытавшихся просто обмануть человека, имеющего ограниченные возможности, пользуясь его неискушенностью в юридических вопросах.

Они хорошо посидели. Ужин был замечательный. Дети четырнадцатилетняя дочь и шестилетний сынишка, были очарованы веселым, обаятельным маминым другом с работы. Глядя на них, Михаил с грустью подумал, что ему, возможно, так и не суждено испытать, что же означает быть отцом. Наконец, Михаил точно узнал, что Настя в разводе. Она сама сказала, когда после ужина они остались на кухне вдвоем и пили кофе. Не специально сказала, а так, мимоходом, просто пришлось к разговору.

Вечер был чудесный. И она была чудесная. В начале одиннадцатого, он с трудом заставил себя встать и откланяться. Сердце отличного юриста переполняла любовь. Не влюбленность, не увлечение, не чувство помогающее забыть собственные невзгоды, а именно любовь. Она пылала, горела, согревая и в то же время, обжигая его. Дарила счастье и какую-то сладкую муку.

Глава 9

Димка в очередной раз обвел конференцзал тоскливым взглядом и подавил зевок. Скука-то какая, кошмар просто! Очень хотелось прилечь где-нибудь на диванчике подремать. Дать отдых не выспавшемуся организму. Можно подремать даже сидя в кресле, он бы и на это согласился. Но нет. Нельзя. Стоит только прикрыть глаза, Нестор такой ор поднимет, что половина сотрудников неделю, а может и больше, заикаться будут и по ночам вздрагивать. Димка снова поборол зевоту. Предыдущая ночь была почти бессонной. Блондиночка, которую он подцепил в клубе, Марианна, была девушкой горячей, вполне искушенной в вопросах любви, и прямо-таки изобретательной. Четверка с плюсом из пяти баллов. Они неплохо зажгли, здорово, можно сказать. Но теперь ночь страсти плачевно сказывалась на Димкином состоянии. Чтобы хоть чем-то занять себя, Димка начал крутить между пальцами зажигалку. Не помогло. Глаза закрывались сами собой. Еще немного и он просто потеряет над собой контроль и вырубится. Рухнет мордой в полированную столешницу. Вот смеху-то будет, первые секунд пять, пока Великий и Ужасный Нестор Иванович не раскроет варежку. Главбух, зараза, как назло, уже бог знает сколько времени, бубнил нуднейшим голосом про статьи расходов и доходов, сколько и на что потрачено, какая прибыль получена за истекший период и сколько денег, наоборот, профукано из-за недоработок и допущенных ошибок. Димка поерзал в кресле, повываривал глаза, поворачивал ими, поморгал, с тоской посмотрел на скучные, напряженные лица сотрудников. Каждый из присутствующих сидел, как будто кол проглотил, опасаясь, что сейчас очередь дойдет до него. Генеральный, уже гневно посверкивает глазами, обдумывая, кого выбрать на роль следующей жертвы. В любой момент может разразиться буря. Умеет Нестор Иванович страху нагнать на подчиненных. Димка задержал взгляд на руководительнице отдела маркетинга и рекламы. Тетка – секси, только одевается всегда строго, прямо Мери Поппинс какая-то. Нет бы, чего полегкомысленнее на себя нацепить. Под пиджаком «строго по фигуре» явственно проступает грудь. Очень соблазнительная, размера четвертого. Но блузку рекламщица, как обычно, застегнула наглухо. Хоть бы одну, а лучше пару пуговичек оставила не застегнутыми. Было бы за что глазу зацепиться в борьбе со скукой и сном. Господи, когда же уже это занудное совещание закончится? Настоящая пытка для психики.

– Так, – Нестор жестом дал понять бухгалтеру, что свободен и может сесть. От этого его «так» всех охватил нервный трепет. «Отстрелявшийся» на сегодня главбух отер покрытый испариной лоб клетчатым платком и плюхнулся в кресло, с явным облегчением – он свободен и к тому же цел и невредим. Повезло! Нестор обвел взглядом сидевших за столом сотрудников. Все, как один, начали пугливо отводить глаза, заглядывать в лежавшие перед ними ежедневники, стопочки документов, кто-то срочно начал внимательно изучать внешний вид своей шариковой ручки. Димка ухмыльнулся. Детский сад! Взрослые люди, а ведут себя как дети, ей богу. Сейчас злой серый волк выберет себе того, кто больше приглянется и утащит несчастную жертву во лесок, а там откроет страшную зубастую пасть и укусит за бочок. Нестор остановил взгляд на главном инженере, который, выглядел менее испуганным, чем остальные. Он, как и первый зам, был не из трусливых, и при виде шефа в трепет не впадал, пятнами не покрывался и заикой с подергивающимся глазом не становился.

– Нужно решить вопрос с Архангельском, – недобро глядя на отважного инженера, Игоря Горенкова, сказал Нестор. – Что там за история с оборудованием, Игорь Андреевич?

Горенков встал и, вызывая неприкрытую зависть у остальных, боязливых и трепещущих, твердо посмотрел в глаза генеральному. Совершенно спокойно, не выказывая признаков волнения и паники, он начал отчитываться, о результатах командировки в далекий северный город, где у заказчика возникли проблемы с поставленным ему фирмой Нестора оборудованием, которые, в конечном итоге, могли вылиться фирме в копеечку.

– Заказчик потребовал, что бы мы провели тестирование оборудования. В процессе тестирования были выявлены серьезные неполадки. Пробовали устранить, но оказалось, что дело в производственном дефекте. Металл плохой. Ничего нельзя сделать. Нужна замена неисправных деталей, на другие. Заказчик требует, естественно, произвести замену за наш счет. – Горенков потер затылок, и прекрасно зная, что последует за его словами, без особой охоты, но куда деваться-то, все же сказал: – Он требует также компенсации за простой и несоблюдение условий контракта, по поводу сроков поставки. Настаивает, что, мол, время, потраченное на проверку и замену, можно считать, как не соблюдение сроков. Хотя, с этим я не согласен, – быстро, пока еще есть возможность, хоть, что-то сказать, добавил инженер, – потому, что во-первых, поставка была сделана вовремя, а во-вторых, в том, что так произошло нашей вины нет.

Глаза Нестора полыхнули. В конференцзале воцарилась полнейшая тишина. Присутствующие перестали дышать.

– Ты с этим не согласен? – взгляд гендиректора походил на раскаленную лаву, готовую вот-вот выплеснуться наружу. – А, какого х... , ты принимал некачественные детали, когда их с завода в Москву доставили? – Нестор потряс в воздухе бумажкой, голос его, с каждым словом звучал все более грозно и громко. – Акт приемки. Твоя подпись, – он ткнул в документ пальцем. Воздух вокруг него наэлектризовался. Главбух нервно дотронулся до нагрудного кармана пиджака, где у него лежали таблетки от давления. Рекламщица, глядя перед собой стеклянными глазами, потеряла пуговку на блузке. «Давай!» – мысленно подбодрил ее Димка. Обстановка накалилась. Димка оживился – наконец-то, хоть чуть-чуть поинтереснее стало. И в сон вроде больше не клонит, как до этого. Не обращая внимания на испуганные взгляды сотрудников и их нервные телодвижения, Нестор прорычал:

– Клиент требует неустойку. Ему насрать, что это производственный дефект. Он деньги заплатил и хочет получить качественный товар, а не объяснения, по поводу того, почему оборудование, не работает. Или ты с этим тоже не согласен? Ты скажи! Я клиенту передам, чего мол, тебе нужно-то, чего ты пристал? Инженер наш не согласен, так, что нечего нас дергать и денег требовать. – Он злобно ухмыльнулся.

– Нестор Иванович, невозможно во время приемки определить такие вещи, как качество металла деталей, – с видом человека уверенного в своей правоте, невозмутимо ответил главный инженер, неустрашимо глядя в пылающие яростью, страшные глаза директора. – Подобные дефекты выявляются только при эксплуатации...

Нестор с грохотом шарахнул ладонью по столу. Рекламщица ойкнула и дернулась. Бухгалтер схватился за карман с лекарством всей пятерней, пара человек склонилась над самым столом, изображая, что они то ли записывают что-то, то ли внимательно читают, уже сделанные ранее записи. Димка, окончательно проснувшись, взбодрившись и чувствуя себя свежим и жизнерадостным, подался вперед, поближе к столу, чтобы не пропустить ни одной подробности из разыгрывающейся драмы, с элементами триллера и местами возможно даже хоррора.

– Ты когда свою подпись ставишь – ты подтверждаешь, что несешь ответственность за соответствие всем требованиям и за качество, в том числе. Ты не курьер, не старший помощник младшего дворника. Ты – главный инженер! На тебе ответственность. Ты, вообще, это понимаешь?! Если не справляешься с обязанностями, увольняйся на х... , иди апельсинами на рынке торговать или улицу подметать, – заорал Нестор и еще раз треснул по столешнице, так, что вода в графине и стаканах стоявших перед сотрудниками закачалась.

– Ой! – снова пискнула рекламщица и испуганно оглянулась, как будто опасаясь, что обнаружила свое присутствие неосторожным восклицанием и страшный шеф сейчас набросится и на нее.

– Нестор Иванович, я Вам объясняю, что невозможно... – попытался донести свою мысль до разошедшегося директора Горенков.

– Возможно!!! Если нормально работаешь и внимательно относишься к своим обязанностям, а не страдаешь х...й – заорал Нестор громче прежнего. Главный инженер расправил плечи и уперся в директора злым взглядом.

– Не надо на меня тут орать! – грозно сказал он. И добавил, отбросив субординацию: – Если ты в этих вопросах не разбираешься, так и не х... глотку рвать! А то я прямо сейчас зарыдаю – меня Нестор Иванович отчитал! Что же теперь делать?

Презрительно ухмыляясь, Горенков с вызовом посмотрел Нестору в глаза. Все, как по команде, замерли, напоминая участников игры «Морская фигура замри». Основная часть, присутствующих – от ужаса. Димка – пребывая в восторженном ожидании, что же будет дальше? Ох, сейчас начнется настоящая веселуха! Все реалии шоу отдыхают! Нестор Иванович, к которому была обращена непочтительная реплика обнаглевшего, не желающего исполнять обязанности как положено, сотрудника, застыл с дурацким выражением лица, приоткрыв рот и вытаращив глаза. Пару секунд спустя «морская фигура» генерального пришла в себя и «отмерла».

– Да я тебе в морду сейчас дам, паскудина! – проорал Нестор и, вылетев из своего кресла, бросился к главному инженеру. Теперь у всех остальных сотрудников приоткрылись рты и вылезли глаза. Сияя, как именинник, Димка расплылся в счастливой улыбке. Ура! Наконец-то, отличное совещание! Великолепное, можно даже сказать захватывающее. Сейчас бы еще орешков и пива, и можно считать, не зря мучился в течение полутора часов, слушая предыдущее занудство и героически борясь со сном.

Подлетев к инженеру, Нестор уперся в него горящим взглядом, причем снизу вверх, из-за разницы в росте. Инженер, слегка склонив голову, ответил начальнику примерно таким же взглядом, полным ярости и негодования.

– Рискни, – сказал он, надвигаясь на начальника. Оба сжали кулаки, ноздри у обоих раздувались, как у норовистых лошадей.

Главбух, в очередной раз, промокнул дрожащей рукой лоб и заодно и взмокшую лысину. Димка радостно взирал на набычившихся, готовых броситься друг на друга противников. Бойцовский клуб, прямо в конференцзале, настоящая мечта! Димка мысленно ухмыльнулся: «Может, по-быстрому ставки сделать?» Он тяжело вздохнул. Нет в жизни справедливости. Только порадуешься чему-нибудь и облом. Димка нехотя поднялся из кресла: «Черт! Буквально горишь на работе, все время ради дела стараешься. Ничего для себя, единственного развлечения, и то приходится себя лишиться». С чувством огромного сожаления, он подошел к тяжело дышавшим, забывшим обо всем остальном, представителям «верхушки управления» фирмы. Положив руки на плечи готовившимся к схватке противникам, он примирительно сказал:

– Ладно! Чего там, выпустили пар, поорали и хорош. Давайте все-таки сначала решим, что теперь делать, чтобы нам всем без штанов не остаться, а потом, если уж так охота, можете бить друг другу морды, сколько хотите.

Нестор выдохнул, пару секунд постоял и затем, развернувшись, с хмурым лицом пошел к своему месту. Горенков тоже сел. Остальные издали явственный вздох облегчения. Посмеиваясь, Димка вернулся за стол. Ну, хотя бы сонливость прошла. И то ладно.

–

– Ну, вы прямо два Рембо! Нет, нужно быть такими идиотами! Здоровые мужики! – подтрунивал Димка, разливая виски по стаканам, когда после совещания они втроем собрались в кабинете у Нестора. – Я думал, Викентия Палыча удар хватит. У него лысина малиновым огнем горела, как спираль калорифера. Все, думаю, придется нового бухгалтера искать.

Димка жизнерадостно заржал. Нестор и Игорь Горенков, вполне добродушно улыбаясь, посмотрели на него. Оба уже отошли. Оба были вспыльчивые и прекрасно знали об этой своей слабости.

– Меня интересуют две вещи, – сделал глоток, сказал Димка.

– Какие же, Дмитрий Александрович? Просветите! – ухмыльнулся Горенков.

– Ну, первая – подрались бы вы, если бы я не разнял?

Нестор и Игорь посмотрели друг на друга и пожали плечами, сами не зная ответа на поставленный вопрос. Димка подмигнул им.

– Я думаю, сцепились бы. Как два кобеля, которым охота погрызть друг друга. Ох, сотруднички страху бы натерпелись! – он расплылся в улыбке, представив, как мечутся перепуганные сотрудники, как визжат женщины и бестолково шарахаются в стороны мужчины, не зная, что делать. Картина была бы незабываемая!

– Ладно, балабол, – ухмыльнулся Нестор. – Какая вторая вещь?

– Расстегнула бы мисс благопристойность, Ирина Владимировна, свою блузку, в конце концов, пребывая в страшном волнении, или нет. Она на нервах так пуговицы дергала, что я прямо ждал, что сейчас стриптиз начнется.

– Ну, ты придурок! – захохотал Нестор, а вслед за ним и Игорь Горенков. – Ты на совещаниях, вообще, чем занимаешься? На титьки Ирины Владимировны смотришь?

– Сам ты придурок! Боксер-недоучка. Там такая скучища каждый раз, что сдохнуть можно. Чего обязательно каждую неделю это занудство устраивать? Или ты считаешь, что сотрудников минимум раз в неделю нужно до нервного тика доводить, что бы они тряслись от страха и у них подергивания в разных частях тела начинались? Чего, думаешь, это способствует лучшей производительности труда? Смотри, еще пара таких выходов и придется памперсы закупать и выдавать при входе каждому, перед началом заседания.

– Ну, ясное дело. Вот бы здорово было каждому по пиву, музыку повеселее и вместо текущих вопросов обсуждать, кто какой фильм посмотрел или кто в каком клубе отрывался. Можно, заодно, еще футбол и хоккей пообсуждать, а для полного счастья, пару танцовщиц на заднем плане, – проворчал Нестор. Димка пожал плечами и мечтательно улыбнулся. Неплохо, между прочим! Тогда бы он уж точно не мучился в попытках не уснуть. Можно было бы даже, и занудного главбуха послушать, под танцовщиц-то. Под Викентия Палыча очень хорошо пошел бы приватный танец...

Глава 10

Декабрь 2006г. Москва

Приближался Новый год. Москву завалило снегом. Завьюжило. Задуло морозными, ледяными ветрами. Жители столицы готовились к предстоящим праздникам. Оживленная суета, особая атмосфера, разноцветные огоньки гирлянд, наряженные елки, выставленные в витринах магазинов и прямо на улице. Магазины, заполненные покупателями, спешившими запастись подарками. Настя обожала эти предпраздничные дни. Саму подготовку к празднику, украшение дома, радостное ожидание на лицах детей. Казалось люди на улицах и в транспорте становились приветливее, радостнее, взгляды светлели. Всех и каждого, хоть в какой-то степени, наполняла вера в чудо, в новогоднее волшебство. Праздник из детства. Самый сказочный из всех праздников. Со своей неповторимой атмосферой, с собственной атрибутикой и обязательными традициями, милыми именно своим постоянством, неизменностью и повторяемостью – елка, запах мандаринов, салат оливье, шампанское с поднимающимися вверх пузырьками, бой Курантов. И конечно новогодняя ночь, подарки под елкой, все друг друга поздравляют, небо, вспыхивающее разноцветными фейерверками.

–

– Мишка, я побежала. Мне нужно заехать купить детям подарки. На Деда Мороза надежды мало, хотя все лавры, как всегда, достанутся ему. Пока! – заглянув в комнату, сообщила улыбающаяся Настя.

– Давай, удачи, – улыбнулся Михаил. Жаль, конечно, что сегодня не нужно подвозить ее после работы. Но ничего не поделаешь. Подарки детям – дело важное, раз уж Дед Мороз отлынивает.

– Тебе ничего не нужно? Не знаю, набор солдатиков, паровозик, хлопушки с сюрпризами, плюшевого мишку, какую-нибудь не исполнившуюся детскую мечту? – поинтересовалась она. Мишка засмеялся и помотал головой.

– Нет, я дам еще один шанс старику Деду Морозу.

– Ну, как знаешь, мой наивный друг. Все, пока! – Настя послала воздушный поцелуй, и сердце юриста сладостно сжалось. За дверью, удаляясь все дальше и дальше, зацокали каблучки.

– Пока, – глядя на дверь, за которой ее уже не было, тихо сказал он. Она, как порыв ветра, как лучик солнца – промелькнет и исчезнет, а он вновь в ожидании, когда она снова появится. «Я спятивший болван! Влюбленный, спятивший болван!»

–

Нагруженная пакетами, Настя вышла из автобуса и пошла в сторону дома. К вечеру подморозило. В свете фонарей снег вспыхивал и переливался сверкающими, похожими на россыпь драгоценных камней, кристалликами. Едва не растянувшись на льду, припорошенном свежесвыпавшим снегом, Настя в тысячный раз за сегодняшний день, пожалела, что надела сапоги на каблучке и не предназначенной для скользкой погоды подошве.

Район был новый, кругом, полным ходом шло строительство. Населению столицы требовались все новые и новые площади. Дома росли, как грибы, поднимаясь вверх, один за другим. Когда Настя с детьми только переехала, вокруг было практически чистое поле. Несколько домов, наполовину достроенная школа и садик, а теперь, все застроили, и от прежнего простора остались одни воспоминания.

Старый дом, на Ленинском, в котором они жили раньше, шел под снос. Отдав предпочтение, в пользу большей площади, Настя поменяла, предоставленную государством, взамен старой, квартиру на том же Ленинском, на гораздо большую по размеру в новостройке, на окраине.

Она уже почти дошла до дома, осталось только перейти дорогу. Ужасно хотелось есть. И снять, наконец, проклятые сапоги и дать отдых ногам. Стараясь не завалиться со своими многочисленными пакетами на скользкой дороге, Настя прибавила шаг. Сбоку от нее находилась будка, в которой раньше, когда стройка только начиналась, сидели охранники. Теперь будка пустовала, в ожидании момента, когда о ней вспомнят и уберут. Настя уже шагнула к дороге – дом был прямо напротив, она видела окна собственной квартиры. Где было тепло и уютно, где ее ждали дети. Была еда и горячая ванна. Со стороны будки, оставшейся у нее за спиной, послышался стон. Настя испуганно покосилась назад. Звук повторился. Настя огляделась по сторонам. Улица была пустынной. Ни прохожих, ни машин. Время приближалось к девяти. Все уже сидят дома, в тепле, сытые и довольные, а не шляются по морозу на каблуках с кучей пакетов. Настя осторожно сделала пару шагов назад и заглянула за угол будки. Привалившись спиной к металлической стенке, прямо на снегу, сидел молодой парень. На вид лет восемнадцать-двадцать, не больше. Шапки на нем не было. На светлых волосах проступало темное пятно, в свете электрических фонарей, кажущееся почти черным. То ли упал и так сильно приложился о лед, то ли кто-то дал ему по голове, что в наше время тоже не такая уж редкость. Настя снова с некоторой опаской огляделась вокруг. Поблизости никого больше не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.